

Умоляй, ведьма. Часть 2

Автор:

Сильвия Лайм

Умоляй, ведьма. Часть 2

Сильвия Лайм

Искра земли, сердце огня, поцелуй короля... и ещё половина котелка подобной чепухи – и все это мне позарез как нужно! Ведь все это – волшебные ингредиенты для инициации ведьмы!

Вот только искра убивает при прикосновении, сердце предлагается раздобыть с помощью кинжала, а свои поцелуи, хотелось бы, чтобы король оставил при себе.

Но чего не сделаешь, ради того, чтобы стать настоящей колдуньей?

Можно даже заставить прислуживать самого темного колдуна всех времён.

Или нет... последний пункт, кажется, был лишним...

Точно лишним!!!

Сильвия Лайм

Умоляй, ведьма. Часть 2

Часть 2

Глава 1

4 число месяца Костлявых ручьев.

Замок Антрацитового принца

У меня не было слов, чтобы выразить то, что творилось внутри. Казалось, я вот-вот сгорю на месте.

От шока.

Стыда.

Злости и раздражения.

Во мне кипело столько разнообразных эмоций, что трудно было дышать. И еще сильнее возмущало то, что Хмуре (или как там теперь его звать?..), кажется, совершенно наплевать на это. Более того, он явно, как обычно, насмехается надо мной!

Только теперь он был при этом не вороном, которому, в принципе, я готова была что-то и простить. Нет, теперь он был человеком. Да еще и голым!

– Почему ты не сказал, что ты... – наконец смогла выдавить, хоть и сильно запинаясь. Я махала рукой, пытаюсь подобрать слова и одновременно не глядеть на все выступающие части мужского тела.

А поглядеть было на что.

До этого момента я никогда не оказывалась в подобной ситуации! При том, что обнаженным мужчиной меня вообще-то было не напугать: в приюте мы с девчонками пару раз сталкивались и с купающимися голышом товарищами, и даже с теми, кто нарочно раздевался, чтобы произвести впечатление.

Это им удавалось, хотя вовсе не в том ключе, на который они рассчитывали.

В общем, в данный момент я хоть и была смущена, но не настолько, чтобы падать в обморок.

Однако стоило признать также, что сейчас я испытывала совсем иные эмоции, чем с товарищами по приюту. Передо мной стоял не тощий пацан, которого всю жизнь с детства кормили одной кашей и супом на костях. Это был взрослый мужчина с потрясающим рельефом сильного тела, с гладкими и литыми мышцами, на которых красиво играли огненные блики. И...

В общем, да, все, что располагалось ниже аккуратных выпуклых кубиков пресса, я старательно игнорировала, заливаясь краской.

– Почему ты не сказал, что ты человек?! – повторила я, шумно сглотнув и через силу отворачиваясь в сторону камина, лишь бы не глядеть туда, куда сам собой падал взгляд. – И, зажуй тебя дракон, оденься!

Краем глаза я видела, как усмехнулся мужчина, как изогнулись мягкие алые губы, словно их владельца веселила моя реакция.

Теперь вот стало еще более неловко!

От этого и оттого, что стоило негодяю улыбнуться, как я мгновенно вспомнила вчерашний сон.

По спине прокатилась волна жара.

– А что бы изменилось, если бы я сказал? – прозвучал его низкий бархатистый голос, от которого у меня внутри будто кто-то провел кончиком лебединого пера.

Точно так и звучал его голос у меня во сне... Словно я знала заранее...

В висках запульсировало. На короткий миг я даже решила, что опять уснула и все, что сейчас происходит, – просто какой-то затянувшийся кошмар.

– Что бы это изменило? – переспросила, боковым зрением наблюдая, как мужчина чуть ленивым движением взял шелковый халат с кресла, отделанного золотыми клепками, и накинул себе на плечи. Я тут же позволила себе повернуть голову и снова посмотреть на него. Теперь было вроде как не стыдно.

Однако то, что обнаженный мерзавец оделся, почему-то не слишком помогло. Я все еще краснела, невольно замечая, как облегает тонкая ткань мощные округлости мужского тела.

Мне все еще было жарко.

Очень жарко.

– Это бы изменило все! – воскликнула я, никак не приходя в себя. Мозг отказывался признавать то, что видел. Отказывался сопоставлять прошлое с настоящим. – Если бы ты сказал, что ты человек, я... не пыталась бы кормить тебя червями! – проговорила я, нервно вспоминая все наши диалоги с вороном.

Мне становилось все хуже.

Я погрузила пальцы в волосы, напряженно сжав.

– Я бы вела себя с тобой как с человеком. Я бы... не раздевалась при тебе! – почти взвизгнула я, снова поймав его насмешливый взгляд.

Мужчина тем временем подошел к большому каменному столу, за которым он, судя по всему, планировал отдохнуть, и взял с него высокий, окованный золотом бокал с темно-медной жидкостью. Затем сделал глоток, не сводя с меня все того же пронизывающего зеленого взгляда, от которого вчера во сне я таяла, как медуза на раскаленном песке.

И тогда мне вдруг стало ясно, что извиняться он не будет. И объясняться тоже. Это же Хмуря! Мой злобный мрачный ворон, который не делает ничего просто так. Пусть теперь он выглядит иначе, но начинка-то осталась прежней!

– Так ты... – выдохнула я и подавилась словами. – Я полная дура, – констатировала факт, прикусив губу от заполонившей сердце обиды.

Черные брови мужчины иронично приподнялись, а затем он просто кивнул:

– Ага, так и есть.

Смягчать удар он точно не собирался.

Во рту появился привкус горечи. Я сжала руки в кулаки и через силу спросила:

– Тогда ответь хотя бы, почему ты стал помогать мне после того, как я привязала тебя фактически как раба? – мне нарочно захотелось провести такое яркое сравнение, чтобы хоть немного его задеть. А еще понять, почему все же он не попросил освободить его? Неужели потому, что пожалел девчонку, которая сделала его, великого мага, прислужником?

Ведь я-то была не в курсе, что разрывание договора могло меня убить. А он – солгал бы, да и все – в тот же день был бы свободен. Мне, может быть, даже удалось бы выжить.

Ведь человека я удерживать возле себя не стала бы! Чай не кот и не пес, которых люди издревле тащат к себе в дома, ни разу не поинтересовавшись, хотят они того или нет. Я-то думала, что ворону будет привычно иметь хозяина, который кормит его, гладит, общается. И хоть, как оказалось, моему фамильяру не нужно было ничего из перечисленного, меня это ни разу не навело на мысль, что передо мной вовсе не птица, а человек. Ведь это было просто невозможно.

И до сих пор кажется таким.

– Ты мог отказаться прислуживать мне! – продолжала я. – Ты бы признался, я бы сняла заклятье!

Мои слова не произвели на Хмюрю ни малейшего впечатления. Он глядел на меня так же спокойно и насмешливо, как и прежде.

– Ты помнишь, – проговорил он неторопливо, оглядывая меня с ног до головы, как диковинного зверя. Словно не он здесь единственный в мире маг, сумевший обратиться в животное, а я – какая-то неведомая птица. – Как только ты привязала меня кровавым договором, я был страшно зол. Тогда я улетел не

только потому, что видеть тебя не желал, – усмехнулся он как-то мрачно. – И я не просто так проводил время где-то в лесу Ирмабеллы, ругая тебя на все лады. Нет, – покачал головой он, глотнув еще жидкости из бокала, и я начала замечать, как его светлая кожа покрывается румянцем, губы становятся ярче. И теперь его лицо, обрамленное черным водопадом волос, выглядело еще выразительнее. – Я пытался понять, можно ли разорвать договор хоть каким-нибудь способом, – продолжал он невозмутимо. – У меня есть... возможности узнать то, что требуется. И когда я понял, что даже твоя смерть не разорвет договор на крови, а напротив, грозит смертью и мне, то, к сожалению, оставался лишь один выход – быстрее инициировать тебя. И освободиться.

У меня воздух застрял в горле, перед глазами потемнело.

– Ты... хотел меня убить? – выдохнула я, с трудом устояв на месте.

Очень хотелось перестать с ним разговаривать, исчезнуть куда-нибудь... показать свои истинные чувства.

Но я не стала этого делать. Даже когда мужчина, стоящий передо мной, был простым вороном, он слишком хорошо ощущал чужой страх и умел играть на нем, как на струнах изощренного музыкального инструмента. Чего ждать от человека, от черного колдуна, я не представляла даже примерно.

А он тем временем жестко усмехнулся, бросив на меня взгляд, полный хищного вызова. Превосходства.

Мне еще сильнее захотелось убежать отсюда. Так быстро и так далеко, как только возможно.

Вот только это нереально.

А мужчина между тем спокойно перевел взгляд на огонь, тихо потрескивающий в камине, и сказал так, словно я его ни о чем не спрашивала:

– Знаешь, Мартелла, я довольно устал. Человеком я не был весьма давно и лишь недавно получил способность перевоплощаться хотя бы по ночам. Кстати, благодаря многоножкам у тебя в подвале. – Он бросил на меня очередной

насмешливый взгляд и подмигнул.

От этого простого жеста я ощутила, как в венах словно забурлили крохотные пузырьки.

Как этой ночью...

Со вчерашнего дня со мной словно случилось что-то. Что-то неправильное, ненормальное.

– В общем, у меня не так много времени, всего лишь до утра, – продолжал говорить он, вдруг приближаясь ко мне, отчего я невольно начала отступать к двери.

А колдун улыбался...

– Так что, будь добра, – проговорил он мягко, когда моя спина уперлась в стену возле двери, – походи отдохни, прими ванну. Краны работают, стоит только дотронуться до разноцветных кристаллов. Всего хорошего.

С этими словами он открыл дверь и бесцеремонно вытолкнул меня за порог.

В висках громко пульсировало, и, к сожалению, меняхватило лишь на то, чтобы, затаив дыхание, задать один-единственный вопрос:

– Как тебя зовут, колдун?..

Мягкие губы мужчины снова изогнулись в улыбке.

– Уверен, ты устала за сегодняшний день... девочка... – проговорил он чуть хрипло.

Я вздрогнула, словно по всем нервам разом ударили хлыстом.

В голове, как вживую, прозвучал шепот из сна:

«Ведьмочка-девочка...»

Но почти сразу же наваждение исчезло, сменившись бешенством, потому что этот негодяй захлопнул дверь прямо перед моим носом!!!

– Волшебненько, – только и сумела выдохнуть я.

Вот же... челудовище!

Глава 2

4 число месяца Костлявых ручьев.

Покои Антрацитового принца.

Дрейгон оперся локтями о каменные поручни широкого балкона собственных покоев и, на миг закрыв глаза, глубоко втянул прохладный ночной воздух. Ветер обдувал его светлую, давно не тронутую солнцем кожу, и точно так же, как в первый раз после пятнадцати лет заточения, он наслаждался этим ощущением.

Свобода не надоедала. Не могла надоесть.

Он был скован страшным заклятием полтора десятилетия. Тело птицы, разум человека...

Что может быть хуже?

Когда-то он думал, что ничего. Даже смерть была бы милосерднее.

Но он повзрослел. Годы меняют всех. Годы способны сломать даже такого, как он.

И теперь он не мог надышаться. Воздух, входящий в человеческие, а не вороны легкие, казался сладким на вкус...

Впрочем, Дрейгон не считал себя сломленным. После стольких лет безуспешных попыток накопить достаточно мощи, чтобы стряхнуть чужое заклятие, он наконец нашел способ сделать это. Чужая магия, окружающая его астральный облик и изменяющая все его телесные структуры, начала разрушаться.

И все благодаря Мартелле Довилье. Слабенькой недоведьме из детского дома.

Кто бы мог подумать?..

Впрочем, сама Мартелла, по всей видимости, была не так уж и слаба, как думала. «Узы крови», запирающие волшебную избушку Ржавой вдовы, не просто так пропустили лишь ее одну. Не просто так они отбрасывали на десяток метров сотрудников жилищного учета, желающих заработать на бесхозном домике. Не просто так древняя магия не пускала на порог случайных зевак, воров и любителей легкой наживы. Неспроста она не пропустила и родных сестер Мартеллы, заставив их уйти прочь с обожженными руками и перекошенными от злости лицами.

Да-да, Дрейгон видел, как это произошло. В тот миг он впервые подлетел к зачарованному сильнейшей магией строению, пытаясь найти в него самый безопасный вход.

В тот день ни сестры его недоведьмы, ни кто-либо другой не сумели попасть внутрь, потому что истинной наследницей черной колдуньи по прозвищу Ржавая вдова была лишь одна девушка. Та, что обладала достаточной силой для того, чтобы дом ее признал.

Мартелла Довилье.

И именно это оказалось для Дрейгона самым большим сюрпризом. Он-то, сумев проникнуть в зачарованное жилище благодаря тому, что фактически являлся не человеком, а птицей, надеялся на то, что дом надолго останется без хозяина. И ему, истинному черному, удастся исправить хотя бы часть из своих ошибок.

Но Мартелла...

Мартелла...

Она не только сломала его план, но и умудрилась заключить кровавый договор, привязав к себе сильнейшего колдуна.

Хороший ход... для будущей черной ведьмы. Ведь, объективно говоря, с таким потенциалом, как у нее, девочке никогда не пройти инициацию самостоятельно.

Он в свое время не смог этого даже с помощью опытных наставников.

И вот, едва выпустившись из приюта, эта малышка провернула фокус, который не удался бы и сильному, матерому волшебнику.

Привязать его! Антрацитового принца!

Дрейгон мрачно усмехнулся, вспоминая тот день.

Впрочем, ему не было весело. Ему уже много лет не было по-настоящему весело. С тех пор, как из его сердца исчез свет, замененный мраком трясинных пауков, он мало что ощущал. Разве что злость, раздражение, гнев, усталость... иногда презрение.

И если он и смеялся, смех был, как правило, черным. Как и тот юмор, на который он еще был способен.

Потому что в сердце было холодно и пусто.

Когда-то давно Дрейгон этого даже не замечал. Теперь, спустя пятнадцать лет одиночества, отсутствие чувств буквально отдавалось в каждом нерве.

Повсюду был тлен и безразличие.

Кажется, даже жажда мести со временем померкла. Утонула в обсидиановом мраке.

Впрочем, в последнем Дрейгон не был особенно уверен.

Новый порыв ветра взметнул вверх его длинные волосы. Густые пряди всколыхнулись, перемешавшись с ночной тьмой, и колдун открыл глаза.

Зеленые радужки на миг вспыхнули ярче тысячи звезд.

– Все еще хочешь убить брата? – раздался совсем рядом негромкий, чуть скрипучий голос.

Мужчина повернул голову и встретился взглядом с каменной статуей на углу балкона. Некрупная горгулья с легким хрустом моргнула, будто стряхивая с себя вековой сон. Ее глаза зажглись ядовито-желтым, и, если приглядеться, очень отдаленно этот блеск напоминал тот самый, которым иногда зажигались его собственные радужки.

– Ты всегда улавливала отголоски моих мыслей, – спокойно проговорил Дрейгон и снова отвернулся так, словно разговаривал не с ожившей статуей, а с кем-то настоящим, живым.

Брат... Король Джоксар Первый, прозванный Лютоглавым за то, что начал гонения на колдунов. Пятнадцать лет назад Дрейгон был уверен, что убьет его.

Ему было за что злиться на брата.

Снова прикрыв на миг веки, он, как вживую, увидел события того дня, когда Антрацитовый принц едва не стал Антрацитовым королем...

В то холодное утро месяца стальной стужи он вот так же стоял на балконе собственного замка. С одной лишь разницей – у подножия неприступной стены выстроились сотни и тысячи людей. Солдат, готовых к тому, чтобы пойти за ним, Антрацитовым принцем. Готовых кровью добыть для него престол.

Еще до изгнания из Лебединого дворца у Дрейгона было множество друзей и последователей. Пока в его сердце не поселился лед Лашкарахеста, поговаривают, что он был веселым и открытым человеком. Сам принц этого почти не помнил, но, судя по тому, что среди его приверженцев оказалась

прямо-таки толпа высокопоставленных придворных и министров, приходилось с этим согласиться.

Народ его любил. Друзья его любили.

Но он ничего этого не помнил и не ощущал ни капли эмоций в ответ.

Однако он был вполне доволен тем, что почти все они охотно собрались на его призыв к восстанию. Большого Антрацитовому принцу было не нужно.

В тот день на этом самом балконе он уже мысленно перерезал горло брату и надел корону. Ничто не могло остановить его, черного колдуна, обладающего почти безграничной мощью колыбели Ледобога, на которой и стоял его волшебный замок.

Однако кровавым планам не суждено было осуществиться.

Несмотря на всю силу, которую ему передавал антрацитовый камень, высасывающий магию из самой земли, кое перед чем Дрейгон оказался безоружен.

В тот миг он вел переговоры с королем через Всевидящее око – особую зачарованную жидкость, на время превращающуюся в нечто, напоминающее хрустальное стекло. Не более чем формальность перед началом сражения. Не более чем призрачный шанс для его брата добровольно сдаться.

Конечно, Джоксар сдаваться не собирался.

Глупец!

Так думал Дрейгон.

Непростительная ошибка.

В самый разгар переговоров Джоксар вдруг стиснул зубы и прорычал:

– Клянусь честью, жизнью и всем королевством, если ты сейчас не преклонишь колени и не отречешься от всех своих прав, требований и слов, я не просто уничтожу тебя. Я убью всех, кто встал на твою сторону. Убью членов их семей и родственников. Я уничтожу всех колдунов Вальтариума!

В этот момент он начал топтать ногами, а кожа его покрылась красными пятнами.

Коалиция белых магов, стоящая вокруг него кольцом, коротко переглянулась.

И несмотря на то, что Дрейгон видел сейчас брата и его волшебников только через магическое зеркало, подернутое рябью водной глади, он заметил этот жест.

Белые волшебники, присягнувшие служить своему королю, не были довольны словами своего монарха. Но, увы, они ничего не могли поделать.

Присяга намертво связывала их жизни с жизнью короля.

А Дрейгон, хоть и заметил этот красноречивый взгляд, к сожалению, не принял его к сведению.

Он был слишком уверен в своей победе, и распри между его братом и его прислужниками казались лишь плюсом.

Впрочем, ненадолго.

– Ты бредишь, Джо, – спокойно и чуть лениво ответил принц, на секунду отвлекшись от беседы и взглянув с балкона вниз.

Его войска были в полной боевой готовности. Их численность оказалась ненамного меньше регулярной армии Вальтариума – армии, подчинявшейся королю. А с магией Антрацитового замка победить в бою для Дрейгона было бы не сложнее, чем скормить крысу удаву.

И как раз в тот момент, когда он отвернулся, Джоксар подал сигнал своим колдунам.

– Ты сам во всем виноват, – проговорил король, гордо вздернув голову и сжав губы. А затем зачем-то добавил Бертрану, тому самому лысому Первому волшебнику Вальтариума: – Ваши семьи утонут в золоте. Они не будут ни в чем нуждаться. Слово короля.

Бертран поклонился, а следом за ним склонили светлые головы и остальные волшебники в белых мантиях, испещренных солнечными звездами.

Минуло короткое мгновение, и воздух наполнился словами древнего заклятья, сорвавшегося одновременно с губ сильнейших светлых магов королевства.

«Мое слово омоеся кровью,

Мое тело оденется в свет,

Солнце сядет в изголовье,

А в изножье – рассвет...»

– «Черная эпитафия», – расширив глаза от удивления, произнес Дрейгон, мгновенно узнавая колдовство, которому его когда-то обучали наставники.

«Мое слово станет смертью,

Мое имя – наказаньем,

Моя плоть сроднится с твердью,

Станет шепот предсказаньем...»

Нет, никогда в жизни Дрейгон не слышал, чтобы кто-либо использовал эту магию. Не было и такого, чтобы молодому принцу случилось потренироваться в подобном волшебстве.

Однако, несмотря ни на что, Дрейгон прекрасно знал, в чем заключается смысл этой страшной магии.

«Бриз морской – моя душа,

Сердце – штормовые волны,

Перестану я дышать,
Но твою мечту исполню».

То была предсмертная записка колдуна, который собирался отдать свою жизнь во имя чего-то...

И они отдали.

Шестеро Верховных светлых колдунов королевства и еще шестеро тех, что должны были стать их преемниками. Всего двенадцать человек синхронно полоснули волнистыми кинжалами вдоль вен, начертив глубокую красную полосу, из которой тут же полилась кровь.

Такую рану было бы непросто залечить. Но никто из них и не собирался этого делать.

Как только слова черной эпитафии отзвучали, мощный поток энергии хлынул от белых колдунов к Джоксару Лютоглавому. Столб кроваво-красного света, в котором сгорали двенадцать Искр жизни, должен был исполнить одно его желание.

– Смерть Дрейгону из рода Ранвидаль! – четко произнес тот, не отрываясь глядя через Магическое око в глаза своему брату.

И магия начала работать, устремив смертоносный кровавый поток в сторону колдуна, который осмелился бросить вызов королю.

Дрейгон должен был умереть в тот день.

Он не мог оторвать ответного взгляда от брата, зная, что ему вот-вот придет конец. Черную эпитафию невозможно остановить или заблокировать. Тем более тогда, когда она наложена дюжиной волшебников. Дюжиной человек, отдавших свои жизни...

Да, вот этого Дрейгон предусмотреть не мог.

Так они и смотрели друг на друга. Два брата – Дрейгон и Джоксар. Старший, по глупости лишивший себя большей части души, и младший, который слишком хотел править.

«Ты сам во всем виноват», – прошептали губы короля, словно этим он пытался обелить себя за братоубийство. Перед самим собой.

Дрейгон не ответил.

Все то время, когда черная эпитафия звучала в воздухе, он искал выход из сложившейся ситуации. Он не хотел умирать. И пускай из его жизни исчезла большая часть красок, смерть не стала казаться ему более привлекательной.

– Жизнь – это высшее благо, не так ли? – спросил он тогда у Джоксара, уловив в последний момент, как тот удивленно приподнял бровь.

Во взгляде короля читалось: «И что же еще ты можешь сделать, черный колдун, чтобы сохранить свое высшее благо?»

Действительно. Что еще он мог сделать? Ведь слова смертоносного желания уже прозвучали:

«Смерть Дрейгону из рода Ранвидаль...»

Антрацитовый принц улыбнулся, а затем в самую последнюю секунду перед тем, как кровавый поток магии накрыл его, ударил ладонью по той самой каменной горгулье на перилах балкона и произнес:

– Крыльями и ветром,

Медью и пеплом,

Кровавым договором

Проклинаю: отныне я – ворон!

Пока цепь не сомкнется,

Договор не разорвется!

А когда убрал ладонь, на его коже осталась кровавая полоса, оставшаяся от пореза об острые бока статуи. В тот же миг каменная горгулья очнулась.

А багряный поток убийственной магии остановился в сантиметре от удара.

– Принимаю твою клятву, безымянный ворон, – низко и рокочуще проговорила статуя, поднимая коготь и в ответ прочерчивая на своей каменной ладони разрез, из которого тут же хлынул огонь. – Ты станешь человеком вновь, когда вернешь мне Искру Огня.

А затем пламенно-желтые глаза каменного существа снова погасли, превратив ее обратно в часть диковинного украшения замка.

Дрейгон повернулся последний раз к Всевидящему оку и улыбнулся брату, который смотрел на него широко раскрытыми глазами, полными бешенства.

Он видел, что кровавый поток остановился на крошечном расстоянии от удара. А теперь и вовсе начал развеиваться.

– Но ка-а-ак?! – закричал король, вцепившись в волосы и вытягивая их в стороны. – Какого дохлого дракона ты еще жив?!

Он даже оглянулся на собственных колдунов, чьи тела сейчас лежали разбросанными вокруг него в нелепых, неестественных позах. Как будто сомневался, что они действительно мертвы.

Но уж тут вариантов быть не могло: алые разводы на белоснежной одежде говорили сами за себя. Как и крупные лужи крови, от которых уже было некуда деться.

Но Джоксар словно не замечал, как его ноги хлюпают в липкой жиже, продолжая топтать и кричать:

– Почему, раздери тебя дракон Рока, ты еще жив?!

А Дрейгон вдруг поднял руки, на глазах начинающие чернеть и вытягиваться. Опустил голову, взметнув водопад черных как ночь волос, превращающихся в

перья. А когда вновь взглянул на своего брата изумрудно-зелеными глазами ворона, хрипло каркнул так, что его голос разнесся на всю округу, сотрясая стены Антрацитового замка:

– Я больше не Дрейгон из рода Ранвидаль. Я – ворон. – Взмахнул огромными мощными крыльями и взмыл в небо.

И в тот же миг магия черной эпитафии окончательно развеялась.

Двенадцать колдунов погибли напрасно.

Антрацитовый принц остался жив.

* * *

Дрейгон закрыл глаза, на миг утопая в воспоминаниях прошлого, а затем негромко проговорил, продолжая прерванный разговор с горгульей Рока:

– Ты всегда улавливала отголоски моих мыслей, Хьельгвирана, но не сегодня.

Тяжелые каменные веки статуи снова с хрустом открылись, желтые глаза слабо полыхнули.

– Вот как? – переспросила она. – Что же терзает тебя сегодня, Антрацитовый принц?

Дрейгон молчал. Смотрел перед собой в черноту лунной ночи и не знал, что ответить.

Беспокоило ли его что-то?

Если бы он ответил «да», это означало бы, что он чувствует.

А это было слишком сильно сказано. Под ребрами оставалось холодно.

Но Дрейгон не мог не признать и того, что с появлением Мартеллы в его жизни что-то изменилось. И теперь он ощущал себя странно. Каждый раз, когда он находился в обществе этой вздорной неведьмы, которую проще было бы придушить, чем научить колдовать, ему... становилось интересно.

Интересно жить.

А это было уже из ряда вон для человека, лишенного сердца, души и даже имени.

Поэтому он продолжал молчать и смотреть вдаль.

– А... понимаю, – вдруг проговорила горгулья, хрустя камнями где-то у себя в горле. И тоже взглянула вдаль. Но ненадолго, потому что почти сразу она повернула голову в сторону покоев Мартеллы Довилье.

Дрейгон вздрогнул и даже слегка нахмурился.

Он хотел бы знать, что именно там поняла Хьельгвирана. Настолько хотел знать, что его это начало нервировать.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он наконец после продолжительного молчания, в течение которого проклятая горгулья отказывалась заканчивать свою мысль. – Что я влюбился? Ты сама отобрала у меня возможность любить, заменив ее Искрой Огня. Я больше этого не умею.

Он ждал какого угодно ответа, но не того, что горгулья затрясется и из ее клыкастого рта донесется скрипучий смех.

– Я не лишала тебя возможности любить, – ответила она, взглянув на него жгучими горящими глазами. – Я лишь превратила огонь твоего сердца в Искру дракона Рока. Причем я сделала это бескорыстно, только из любви к тебе.

Дрейгон недобро усмехнулся, повернувшись к демону огня.

– Бескорыстно? Ты надеялась, что я влюблюсь и сгорю изнутри, а моя душа достанется тебе. Таково условие договора.

– Что поделаешь, если у тебя была такая красивая душа, – улыбнулась Хьельгвирана, и из-под каменных губ мелькнули черные клыки. Однако уже через мгновение улыбка исчезла с ее морды, и она продолжила: – Жаль только, что ты заключил новый договор, Антрацитовый принц. И выбрал для этого Лашкарахеста. Старый паук омерзителен даже для нас. А ты отдал ему все то хорошее, что у тебя было. Теперь ты уже не тот, что прежде. Таким ты нравишься мне гораздо меньше.

Дрейгон мрачно усмехнулся.

– Даже не знаю, радоваться или нет. То, что я перестал нравиться демону Огня, явно стоит как минимум отметить.

– Зря ты так думаешь, – немного обиженно проговорила статуя. – Я никогда не желала тебе зла.

– Ну само собой...

Хьельгвирана бросила еще один обиженный взгляд на колдуна и вдруг, склонив голову набок, спросила:

– Тебе почти удалось сбросить оковы нашего с тобой последнего кровавого договора, не так ли?

На этот раз Дрейгон улыбнулся. Затем поднял руку, перебирая пальцами в воздухе. Сперва казалось, что он просто дурачится или что-то вроде того, но спустя пару мгновений в его ладони появились две багряные цепочки, идущие к самому его сердцу. Одна цепь была чуть потолще, другая же, казалось, истаявала на глазах.

– Вот договор с тобой, – подергал он пальцем ту, что была тоньше, – а вот – с Мартеллой.

Последняя, более серьезная связь блеснула серебром и внезапно материализовалась полностью. Тогда стало видно, как она тяжело провисает вниз, будто настоящая, и уходит концом за черту балкона. Туда, где как раз располагалось окно спальни Мартеллы Довилье.

Его гости.

Его головной боли.

Ведьмы, что привязала его к себе.

Дрейгон мельком взглянул на полукруглое окно, в котором за чуть прикрытыми шторами горел мягкий желтый свет, и тут же отвернулся.

– Эта цепочка ненадолго удержит меня, – проговорил он, – несмотря на то, что она толще твоей.

Горгулья кивнула.

– Разорвать кровавый договор не так просто, – прохрустела она, – но я не сомневалась, что у тебя получится. Выходит, скоро ты станешь человеком и снова вернешь свое имя.

– Несомненно, – кивнул колдун, снова перебирая пальцами цепочки, после чего те послушно исчезли. – Я пятнадцать лет искал способ разорвать договор с тобой и стать человеком, не отдавая тебе Искру Огня. И нашел.

Хьельгвирана несколько мгновений смотрела на него теплыми желтыми глазами, а затем сказала:

– Ты никогда не думал, что в тот день, когда твой брат чуть не убил тебя, я не просто так попросила в качестве платы за кровавый договор именно Искру Огня?

Дрейгон пожал плечами.

– Ты же демон Огня. Мне казалось это логичным.

– Ты разочаровываешь меня, Антрацитовый принц, – раздался ответ, напоминающий скрежет камня о камень. – Думаешь, я когда-нибудь нуждалась в силе пламени?

В этот момент Хьельгвирана вдруг выпрямилась и резко повернулась к нему. Ее твердая сухая кожа заблестела так, словно была живой, настоящей, и более того, сейчас она лоснилась как шелк. Тело перестало выглядеть неловким и неподвижным, живым лишь наполовину. А затем за ее спиной расправились огромные крылья.

Дрейгон едва успел сделать шаг назад, бросив перед собой легкую воздушную стену. Только это и защитило его от мощной вспышки огня, в которую превратился опаснейший из демонов подземного дракона Рока.

– Искры Огня мне без надобности!!! – прорычала она, и на этот раз ее сверкающие, как солнце, глаза уже не выглядели спокойными и теплыми. – У меня их в достатке!!!

Дрейгон стиснул зубы, но продолжал стоять неподвижно, хотя жар от пылающего костра, даже несмотря на защиту, все равно больно жег кожу.

Горгулья потухла так же внезапно, как и зажглась. Ее взгляд снова стал спокойным, а тело уже не казалось гибким и живым, костенея на глазах.

– Я хотела, чтобы ты отдал мне Искру, которую я тебе подарила, – проговорила она вновь негромко, похрустывая каменной пылью. – И тогда ты убил бы двух зайцев одновременно: снова стал человеком, выполнив наш с тобой кровавый договор, и лишился бы огня, который сжигает твоё тело при любой попытке влюбиться. Ты снова стал бы прежним. Ну, если не считать тьму Лашкарахеста. И все ж таки удавка на твоей шее уже была бы многократно тоньше, чем сейчас.

Горгулья вздохнула, хотя было не совсем понятно, зачем ей это вообще нужно.

– Но ты принял решение сломать наш договор, а не выполнить его, – закончила она разочарованно. – И мне очень жаль...

– Естественно! – хмыкнул Дрейгон, прищурившись. – Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, что, отдав тебе Искру, я перестану быть магом. Снова человек. Снова годы бесплодных попыток добыть Искру любым путем! Только прежде я мог позволить себе эти годы. А теперь каждый потерянный день грозит мне смертью от рук брата, который, как пить дать, обнаружит мое появление. Ну и старость, само собой, никуда не денется. А мне сложновато будет продлить себе

жизнь, не будучи волшебником! Умирать как-то не хочется.

– Ты снова пытаешься обмануть самого себя, Антрацитовый принц, – прохрустела горгулья, отворачиваясь и почему-то глядя в окно рядом.

В окно, горящее мягким янтарным светом сквозь приоткрытые шторы...

– Но время расставит все по местам, – добавила она странно. – Помни, что я не лишала тебя возможности любить.

Дрейгон мрачно улыбнулся и сложил руки на груди, глядя на Хьельгвирану.

– Какая разница? Даже если ты не лишила меня этой части души, ее забрал Лашкарахест.

Горгулья медленно моргнула, хрустя веками.

– Лашкарахест высасывает то, до чего может добраться, – проговорила она негромко, – а затем отравляет тебя своим ядом, способным проникнуть в самую душу.

Услышав эти слова, Дрейгон невольно вздрогнул. Он лишь на миг прикрыл веки, но тут вспомнил события пятнадцатилетней давности так, словно они произошли вчера.

Нестерпимая, чудовищная боль в сердце. Огонь, сжигающий внутренности, привкус пепла во рту. И огромный паук, вонзающий свои жвалы в его тело и выпускающий свой яд прямо в его кровь...

– В тебе его отравы, и пока она там, внутри твоих костей, мышц, мозга и даже мыслей, ты мало чем отличаешься от Трясинных пауков, – говорила горгулья. – Но Огонь отравить нельзя.

– Что это значит? – нахмурился Дрейгон, а затем в его глазах вдруг блеснуло осознание. Он приподнял бровь, вопросительно глядя на собеседницу, и вдруг откинул голову назад и громко расхохотался. – Ты хочешь сказать, что раз моя способность любить превращена в Искру Огня, то эту способность Лашкарахест

не смог отравить?

Хьельгвирана молчала, продолжая глядеть на черного колдуна, который последние пятнадцать лет смеялся невероятно редко.

– Это чушь, – вдруг резко успокоившись, бросил Дрейгон, наклонившись опасно близко к демону Рока. – Потому что, каким бы мерзким существом ни был отец Трясинных пауков, он все же забрал мою любовь к Кларетте. Любовь, из-за которой я едва не сгорел заживо. Если бы не он, то благодаря твоему подарку, – принц коснулся сердца, в котором давно было пусто, – меня уже не было бы в живых. Иначе почему, по-твоему, я ничего не чувствую к Кларетте?

Это должен был быть шах и мат. Но неожиданно горгулья снова покачала головой.

– Потому что твоя любовь к этой женщине давно умерла, – прозвучал хриплый голос статуи. – Лашкарахест помогает лишь на время. С годами все чувства возвращаются, и чем они сильнее, тем быстрее его яд перестает действовать. Разница лишь в том, что иногда на восстановление может потребоваться четверть века... или половина. А то и гораздо больше. Но с любовью это не работает! Особенно с любовью, которая горит Искрой Огня. Тебе давно наплевать на Кларетту, а твоя способность любить жива и только и ждет того, чтобы стряхнуть с себя остатки яда.

Дрейгон сжал губы. Ему определенно не слишком нравилось то, что он слышал.

– И к чему же ты клонишь, Хелли? – негромко проговорил он, краем глаза замечая, что луна клонится к горизонту. Небо еще было непроглядно-темным, но рассвет становился все ближе. А значит, у него осталось не так много времени.

Горгулья же повернула голову вперед и начала медленно, но окончательно застывать, словно считала их разговор подходящим к концу. И только ее рот еще двигался:

– Ты все еще можешь влюбиться, Антрацитовый принц. И когда ты это сделаешь, яд Лашкарахеста начнет терять свою силу во всем твоем теле. Ты освободишься от всех цепей. Снова будешь свободен...

– Какого дракона, Хьельгвирана? Если я влюблюсь вновь, с твоей Искрой в груди я сгорю! Более дурацкого совета ты дать мне не могла, клянусь своими проклятыми перьями!

Он стиснул зубы, глядя на кончики пальцев, ногти на которых уже начинали поблескивать медью.

Утро было все ближе.

Затем он вновь посмотрел на горгулью и понял, что та ему уже не ответит. Она снова обратилась в камень. И хотя колдун и знал, что дух демона Огня наверняка где-то неподалеку, было ясно, что она вряд ли вернется. Хьельгвирана всегда была очень гордой горгульей.

И, как и все женщины, любила оставлять за собой последнее слово.

– Вот же... – прошипел Дрейгон, сжимая ладонь в кулак.

Ногти чуть впились в кожу, но колдун не обратил внимания. Он ужасно злился.

На Хьельгвирану – за то, что дает какие-то детские и наивные советы.

На Искру Огня у себя в груди – за то, что она слишком нужна ему.

На себя – за то, что так долго не может найти способ освободиться от всех оков.

Как слабак...

Однажды он уже позволил себе слабость. Одна ошибка – и он проиграл, едва не погибнув.

Теперь следовало найти выход из всех ловушек, в которые он угодил по воле Рока. Это было непросто! А старая подруга не пожелала предложить ему ничего лучшего, чем сгореть.

Влюбиться! Он должен влюбиться!

И в кого, интересно? Может быть, в недове́дму, которая имела наглость привязать его кровавым договором?

Дрейгон снова материализовал в воздухе призрачную цепочку, связывающую его с Мартеллой Довилье, и проследил взглядом ее конец, уходящий за шторы.

И если Хьельгвирана не подразумевала себя в качестве любовной цели, то, судя по всему, она имела в виду именно Мартеллу.

– Даже если бы я вдруг решил влюбиться и сгореть заживо, эту недове́дму выбрал бы в последнюю очередь, – бросил он сквозь зубы, сжав цепь рукой.

Впрочем... хотя брови и сошлись на переносице, привычной злости в его словах не было.

А затем его лицо вдруг озарилось какой-то мрачной мыслью, губы изогнулись в усмешке. Он резко развернулся и двинулся прочь с балкона, направляясь в одну из своих комнат. А именно – ту, которая делила стену с покоем Мартеллы.

Почти во всю ширину стены расположился высокий, до самого потолка, деревянный шкаф, инкрустированный малахитом. В нем было не меньше пяти дверей, десятка ящичков и столько же ниш, заполненных книгами и свитками.

Дрейгон невозмутимо подошел к одной из дверей, провел рукой вдоль замка, и в тот же миг щели изнутри шкафа полыхнули зеленью. Тут же из ниоткуда появился темный проход, внутрь которого и вошел хозяин замка, а через мгновение точно такой же шкаф открылся со стороны покоев его гости...

Мартеллы Довилье... неинициированной ведьмы, которая в это время находилась в ванной и понятия не имела, что в ее комнате появился кое-кто чужой.

Дрейгон не спеша прошелся по комнате, расположение и убранство которой знал наизусть, невозмутимо осмотрелся по сторонам в поисках своей «хозяйки», ничуть не беспокоясь о том, что, скорее всего, смутил бы бедняжку неожиданным появлением.

Впрочем, колдун чувствовал, что именно в этой комнате Мартеллы нет. Цепь, которая связывала их невидимой, но крепкой нитью, подсказывала ему почти в точности то место, где находится девушка. Более того, даже иногда он мог чувствовать по этой цепи ее собственные эмоции.

Это было странно. Нечто новое для Антрацитового принца – так глубоко проникать в чужое сердце. Впрочем, колдун не сказал бы, что его это тяготило. Когда собственных чувств почти не осталось, очень интересно ощутить хотя бы чужие.

Дрейгон не признавался в этом самому себе, но ему нравилась эта связь. Благодаря ей он впервые за пятнадцать лет ощутил себя по-настоящему живым.

Не иссушенным почти до основания куском дерева, который вечность не касался корнями ни плодородной земли, ни прохладной воды.

Рядом с Мартеллой, которая никогда не скупилась на ответные эмоции, в черной пустыне Дрейгона Ранвидаль впервые за полтора десятилетия шел дождь.

Впрочем, это не мешало колдуну нарочно бесить девушку, злить ее и выводить из себя. А может, как раз это ему и нравилось – ведь тогда он еще ярче чувствовал.

Ну и нельзя забывать о том, что ему было тяжело простить факт собственного рабского положения. Пусть Дрейгон прекрасно знал, что у Мартеллы ее первое в жизни настоящее колдовство получилось совершенно случайно и фактически она вообще слабо понимала, что делает, он, как строгий учитель, считал, что нерадивых учеников следует хорошенько наказывать.

Особенно если наказывать так интересно...

Неторопливо подойдя к ванной комнате, Антрацитовый принц замер. Он опустил голову, прислушиваясь к тому, что творилось внутри помещения.

Внутри него самого...

А затем просто взялся за ручку двери и дернул на себя.

Ванная комната обдала его потоком теплого воздуха, и Дрейгон шагнул внутрь.

Где-то поблизости из медного крана, инкрустированного аметистами, текла тонкая струйка воды. На полу лежало полотенце для ног, приготовленное, чтобы вылезти из купальни, а в теплой воде, положив голову на специальный подголовник, спала Мартелла Довилье.

Обнаженная.

Дрейгон замер рядом с купальней, слегка сдвинув брови. Мягкий пушистый пар поднимался от воды, которая не успела остыть, свет магических кристаллов, активированных прикосновением девушки, падал на ее молочно-белую кожу, играл разноцветными бликами, преломляясь от водной ряби.

Колдун опустился на корточки возле девушки, а затем и вовсе уперся коленями в пол.

– Глупая, – бросил он беззлобно, почему-то не чувствуя ни капли привычного раздражения.

Того самого, которое было его постоянным спутником очень-очень-очень много лет. Того, которое уже, кажется, и было самим Дрейгоном из рода Ранвидаль.

Он опустил руки в воду, нисколько не переживая о том, что его шелковая рубашка намокла, и осторожно поднял Мартеллу.

Мокрая девушка, с которой водопадом стекали капли воды, была значительно тяжелее обычного, но Дрейгон не чувствовал ее веса. А ведьма от его действий и не подумала просыпаться.

Колдун даже сперва решил из вредности разбудить ее. Было бы неплохо насладиться тем, как она краснеет, сгорает со стыда. Послушать, как она возмущенно кричит на него, злится и... нервничает. Посмотреть, как загораются ее щеки и глаза, как она невзначай кусает губы, незаметно сжимает пальчики и морщит брови, не зная, куда себя деть от смущения.

Честно говоря, это было просто восхитительно. Стоило ему вспомнить ее лицо, когда она увидела его – обнаженного мужчину – всего пару часов назад, как это мгновенно окупало собой все глупости, которые он был вынужден терпеть от нее в образе ворона. Признаться, он даже готов был простить ей собственное пленение, лишь бы каждый день доводить ее до этого состояния.

До того, которое он ощущал у себя внутри, когда пришел к ней во сне. Когда он видел ее перед собой в одном нижнем белье и чулках, а по цепочке связи доносился такой ураган эмоций, что у него кружилась голова.

А ее чулки... до сих пор стояли перед глазами.

Дрейгон не совсем понимал, почему кровавый договор связал их настолько сильно, но теперь он уж точно не жаловался. Он вошел во вкус...

Прямо сейчас колдун стиснул зубы и глубоко вздохнул, опустив взгляд на блестящее от воды нагое женское тело. Неторопливо он донес Мартеллу до постели, что уже была расправлена, и опустил на мягкую простыню.

Ведьма снова не проснулась. Только слегка изогнулась во сне и повернула голову набок, на подушку. Ее длинные рыжие волосы, потемневшие от воды, растрепались, кирпично-огненным костром окружив ее со всех сторон.

Дрейгон замер, не в силах оторвать от нее взгляд.

В этот момент он вдруг понял, что Мартелла не только вздорная и несносная неведьма, но еще и очень красивая.

Впрочем, наверное, он понял это и чуть раньше, но сейчас этот факт неожиданно окончательно добрался до его сознания, и Дрейгон почувствовал, как у него внутри становится жарко.

Он скользнул взглядом по аккуратному узкому лицу Мартеллы, по острому носику и полным мягким губам яркого персиково-красного цвета. Опустился ниже, застыл на острых вершинках груди, затем на впалом животе и выступающих тазовых косточках.

А когда его внимание перенеслось еще ниже, он и вовсе почувствовал, как во рту пересохло. Дрейгон как-то судорожно вздохнул, а затем резко щелкнул пальцами.

Огонь в прикроватных канделябрах ярко полыхнул, и волна жаркого воздуха лизнула обнаженную девушку, полностью высушивая ее тело и волосы.

Мартелла вздрогнула, чуть нахмурившись во сне, но через мгновение снова расслабилась. Повернулась на бок, согнув одну ногу в колене и положив ладонь под щеку.

Это бы даже смотрелось милым, если бы не было еще более эротичным, чем прежде.

Дрейгон почувствовал, что находиться рядом с ней ему неожиданно стало совершенно невозможно. Каждая мышца в теле напряглась, натянувшись как тетива.

– Это уже за гранью добра и зла, мартелла Довилье, – хмыкнул он чуть хрипло, бросая на нее последний короткий взгляд.

Затем он резким, но осторожным движением накрыл девушку теплым тяжелым одеялом, в котором она утонула, как в облаке. Развернулся, чтобы уйти прочь и, пока не наступил рассвет, сделать что-нибудь с напряжением, сковавшим каждый нерв в его теле.

Но не успел.

– Скажи мне свое имя, ворон... – вдруг прошептала девушка, и Дрейгон резко развернулся, решив, что она проснулась и увидела его.

Но... она все еще спала.

Она видела его во сне.

Колдун широко распахнул свои темно-зеленые глаза, не отводя взгляда от обнаженной ведьмы, укутанной в одеяло.

– У тебя красивые губы... – еле слышно проговорила она и... улыбнулась.

Дрейгон закрыл глаза и задержал дыхание.

Под ребрами лизнула волна пламени.

А когда он снова взглянул на ведьму, его лицо уже не было прежним. Глаза горели колдовскими огненными изумрудами, а губы изогнула хищная улыбка.

– На этот раз ты сама виновата, Мартелла Довилье.

Шагнул к постели, и одновременно с этим с кончиков его пальцев сорвался сиренево-розоватый туман. Он окутал его и ведьму, а в следующий миг свет канделябров в спальне разом погас, погрузив все вокруг в колдовской дурман Антрацитового принца.

Глава 3

5 число месяца Костлявых ручьев.

Покои Мартеллы Довилье в замке Антрацитового принца.

За полтора часа до рассвета.

Было немного сложно понять, какого дракона происходит, но я старалась. Я опять лежала на постели с алыми шелковыми простынями, и на мне вновь ничего не было надето.

Только на этот раз вообще ничего! А ведь я прекрасно помнила, что буквально пару минут назад вроде бы находилась в ванной, купалась, так сказать. Мне стоило значительных усилий перебороть страх и воспользоваться советом Хмури... то есть Антрацитового принца. Помню, что я была в большом шоке от

истинной природы моего фамильяра и, чтобы хоть как-то отвлечься, решила испробовать купальни этого волшебного черного замка.

Как ни странно, канализация и система водоснабжения тут и впрямь работали исправно. Видимо, не обошлось без особой магии этого таинственного места.

И вот, стоило мне набрать побольше горячей воды, любуясь дивным мерцающими кристаллами над головой, как я... кажется, провалилась в сон.

Вот и ответ! Я опять сплю!

– Волшебненько, – бросила я нервно, пытаюсь встать с кровати и боясь, что мне вновь это не удастся. Нужно же было прикрыться! Срамота-то какая! Лежу тут голая, будто жду кого-то. Стыд – да и только!

В общем, стоило мне сдуру подумать об этом, как я сперва покраснела, а потом побледнела. Даже уши начали гореть.

К счастью, встать с постели удалось без всяких препятствий. Я уж было обрадовалась, что в этот раз мои фантазии обойдутся без продолжения. Обрадовалась... и, признаться, слегка расстроилась.

Во сне же происходит все что угодно, правда? Может, Хмуря мне бы хоть здесь признался, как его зовут. На большее я и не претендую!!! Честное ведьминское.

Уши еще сильнее начали гореть. И стоило мне встать с кровати и коснуться ступнями мягкого дорогого ковра, которого, клянусь, в этой комнате в реальности никогда не было, как ко всему прочему по помещению начала разливаться медленная тягучая музыка.

Я вздрогнула, не поверив своим ушам, и заозиралась по сторонам.

Оказалось, что в углу помещения, там, где вроде бы прежде находилась антресоль с книгами, сейчас образовался проход куда-то дальше и весь он был занят огромным органом, клавиши на котором нажимались сами собой. Я задрала голову вверх и поняла, что потолки в комнате тоже выросли так, что теперь моя не слишком скромная спальня и вовсе стала похожа на дворцовую

залу. Где-то наверху над головой смыкались полукруглые своды, под которыми еле заметно горели тысячи маленьких магических огней, напоминающих светлячков.

А музыка продолжала разливаться вокруг тягучей патокой, проникающей под кожу, невольно отравляющей вены спокойным, плавным настроением, в котором будто-то росло и пряталось нечто неподвластное взгляду. Вместе с музыкой под ребрами ширилось и зрело легкое возбуждение, которое упрямо подталкивало изнутри: «Сделай шаг... еще один... танцуй...»

Я шумно сглотнула, чувствуя, как становится жарче.

На мне совершенно не осталось одежды, но при этом было абсолютно комфортно. Полумрак создавал ощущение интимности, хотя вообще-то должен был рождать совершенно обратный эффект из-за чудовищных размеров залы. Сейчас мне казалось, что я будто бы одна в безлунной ночи. И под странную волшебную музыку на меня смотрят только звезды.

Звезды – и мужчина, которого я не видела, но чувствовала его присутствие...

– Где ты, покажись? – прошептала я еле слышно, обхватывая руками грудь и поворачиваясь вокруг себя.

И стоило мне сделать полукруг, как я наткнулась на него.

Антрацитовый принц стоял прямо за моей спиной. Словно всегда был здесь, хотя еще пару секунд назад я была уверена, что на его месте лишь пустота.

Черные волосы падали на мужское лицо, красиво обрамляя идеальный профиль, подчеркивая высокий лоб и властный, резкий подбородок. Густые пряди струились по плечам мягким водопадом оттенка безлунной ночи. Зеленые глаза смотрели хищно и будто испытующе из-под густых бровей. А яркие губы, как и прежде, были изогнуты в легкой усмешке.

На госте моих снов была та же рубашка и брюки, что и в прошлый раз. И это заставляло надеяться, что моя фантазия просто в очередной раз излишне разыгралась. Надеяться на то, что это не происходит в реальности...

Однако после того, как я узнала, кто такой на самом деле мой ворон, уверенность в том, что все вокруг – лишь сон, меркла с каждым мгновением.

Стоило лишь задуматься обо всех совпадениях, как становилось ясно:

...это все – правда. И я вовсе не сплю!

– Потанцуем, Мартелла Довилье? – тем временем произнес мужчина, беззастенчиво шагнув ко мне и сократив и так ничтожное расстояние между нами до минимального.

Я не успела ответить: «Нет».

Я не планировала ответить: «Нет».

Он уже вложил мою ладонь в свою, второй рукой обхватив меня за талию и прижав к себе.

А затем склонился к самому уху, обжигая горячим дыханием, и шепнул то, что окончательно развеяло мои чудовищные заблуждения насчет этого «сна»:

– Обнаженная и молчаливая, ты совершенно прекрасна... недоведьма.

И если бы я обратила внимание на его слова раньше, то давно поняла бы, что этот мужчина уже называл меня «недоведьмой». И это произошло еще до того, как я узнала о человеческом обличье моего ворона!

Увы, то была не просто моя больная эротическая фантазия. Хмуря сознательно приходил ко мне во сне уже как минимум во второй раз...

Как только понимание этого факта достигло моего разума, внутри словно взорвалась крохотная, но очень болезненная бомба. Стало настолько неловко, настолько обжигающе стыдно, что казалось, вот-вот сгорю на месте.

Я даже зажмурилась, не в силах вздохнуть. Горло сжало спазмом. Пряный жар с привкусом полыни бил в виски, туманил голову.

Я стояла голая в объятиях незнакомого мужчины...

...или очень даже знакомого, циничного и жестокого колдуна.

– Ну-ну, не стоит так переживать, Мартелла, – продолжал он говорить мне на ухо с легким придыханием и какими-то рокоющими нотками в голосе. И эти звуки прокатывались где-то у меня под желудком, отравляя мерной пульсацией.

А музыка между тем продолжала звучать, и колдун одной рукой сжал мою кисть, а другой, ни на миг не позволяя мне отстраниться, крепко удерживал наши тела касающимися друг друга. Плотно прижатыми... И медленно кружил меня по комнате, в которой неожиданно стало слишком много свободного места.

Нос щекотал знакомый по прошлому сну мягкий аромат вишневых сигар и горького шоколада, смешанный сейчас с теплым запахом свечей и потрескивающих в камине поленьев. Этот аромат обволакивал меня словно дурман, вместе с музыкой превращаясь в странный коктейль, способный проникать не только в легкие. Способный наполнять не только вены, просачиваясь в кровь и кости, но и даже в сами мысли.

Я громко сглотнула, пытаюсь стряхнуть наваждение. Но вряд ли это было возможно.

Впрочем, мне хватило самообладания наконец поднять голову и посмотреть в ядовито-зеленые глаза Антрацитового принца.

А оказалось, что он, не отрываясь, глядел на меня.

– Значит, это не сон, да? – выдавила я сухо, чувствуя, как слова царапают горло.

Мне было жарко, очень жарко.

Мужчина улыбнулся и в очередном музыкальном кульбите вытянул руку, шагнул назад, но не отпуская меня и заставляя обернуться вокруг себя. Словно я и впрямь просто танцую с ним под эту пронзительную тягучую мелодию. И все так, как и должно быть.

– Ты же и сама знаешь ответ, верно? – сказал он тогда, вновь прижав меня к себе и сделав резкий поворот, отчего я невольно сильнее обхватила его плечо, пытаюсь удержаться.

Словно я могла найти у него спасение от этого танца.

Как искать спасение у самой гибели...

Как это, наверное, выглядело глупо!

Но отчего-то колдун больше не улыбался. Только его глаза, казалось, горели еще ярче. А я снова чувствовала его горячую руку у себя на талии и благодарила всех богов за то, что она неподвижна.

Его обнаженная ладонь на моей коже – это единственное место, в котором непосредственно соприкасались наши тела. Без тонкой защитной прослойки мужской одежды. Сперва я думала, что факт наличия у принца рубашки и брюк, в то время как у меня не было даже чулок, делает меня чудовищно беззащитной. Сейчас же я поняла, что это делает меня счастливой! Потому что мою обнаженную грудь и живот, прижатые к крепкому мужскому телу, спасала хотя бы тонкая шелковая ткань его одежды. Ведь даже через нее я ощущала жар, исходящий от черного колдуна, чувствовала, как он напряжен, и даже иногда слышала его дыхание.

Будто нарочито глубокое и ровное. Словно он следил за тем, чтобы правильно дышать.

– Зачем ты делаешь это? – спросила я шепотом, глядя на него не моргая. Так близко, что, если подумать, я могла бы дотянуться губами до его губ.

Он продолжал танцевать со мной, и ему явно нравилось, как я смущаюсь. Его взгляд то и дело скользил по моим щекам, а затем возвращался в глаза, отслеживая каждую мою мысль, эмоцию. Иногда его внимание будто случайно концентрировалось на моих губах, и тогда где-то у меня в животе вспыхивала новая волна огня.

– Ты издеваешься надо мной днём, а я над тобой – ночью, – ответил после небольшой паузы колдун и, чуть прищурившись, хищно улыбнулся.

А я... должна была возмутиться. Я так и видела, как загораются в глубине его глаз желтые огни охотника, караулящего свою добычу.

Но я не хотела быть добычей. Не собиралась.

И хотя наш колдовской танец будил внутри меня что-то дикое и животное, что-то неподвластное разуму, построенное на инстинктах и чувствах, заставляя подчиняться более сильному, я не собиралась сдаваться без боя.

Я слишком хорошо помнила, что мой ворон чует страх, безупречно отслеживает любую слабость и бьет точно в нее.

Без промаха.

Без жалости.

И если сейчас его забавляло мое смущение... значит, он его не увидит.

Я стиснула зубы и, глубоко втянув воздух в легкие, расправила плечи.

Ну и пусть я голая танцую в объятиях полностью одетого мужчины. Моя нагота может стать не моим наказанием...

Ведь может?..

Стоило мне выпрямиться, как что-то в глазах Антрацитового принца изменилось.

– Разве же это издевательство? – пересилив себя, прошептала я, на миг приподнимаясь на цыпочках и выдыхая этот вопрос совсем рядом с мужскими губами.

Дракон Рока знает, чего мне стоило это сделать. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Но ведь каким бы настоящим ни был этот сон, разве это не всего лишь сон?..

Каким бы смелым и дерзким ни был Антрацитовый принц, он пришел ко мне, лишь когда я сплю!

Проклятый колдун...

Мужчина замер, на секунду останавливая танец, а затем резко наклоняя меня назад вместе с очередным музыкальным кульбитом. Я резко вздохнула от неожиданности, зависнув в мужских руках, буквально утопая в прикосновениях и силе, с которыми принц управлял моим телом. Казалось – все это лишь элементы танца, но они неуловимым образом соединяли нас, делая гораздо ближе, чем это сделала даже моя нагота.

Это было невероятно странно: та борьба, которая пылала в наших намертво переплетенных взглядах, и та скрытая страсть, что связывала наши тела движением.

И хотя принц явно пытался это скрыть, я почувствовала, как напряглось все его существо, увидела, как мгновенно расширились зрачки, заполнив зеленый яд радужки антрацитовой чернотой.

– То есть тебе нравится? – спросил он, будто бы без капли интереса, не сводя с меня острого, как лезвие, внимания, возвращая нас обоих в вертикальное положение и снова ведя в танце.

– О, безусловно, – ответила я с тем же бесстрастным выражением, как и у него. И не думая отворачиваться. Опускать глаза.

Мне было все так же жарко. Разве что теперь я чувствовала, что эта игра может быть не такой уж заранее проигранной, как прежде. Теперь я танцевала охотно, отвечая на каждое движение колдуна своим.

И в воздухе словно заплясала сама магия...

Прошло не так много времени, как мне захотелось улыбаться. Мы смотрели друг на друга как старые знакомые.

Как соперники, которые не собирались отдавать победу друг другу.

Как любовники.

И мне казалось, что зеленые глаза Антрацитового принца тоже улыбаются. Как-то иначе, не так, как прежде. Даже их оттенок уже не был таким темным и отравляющим, теперь он напоминал дикую зелень далеких лесов.

Но ничего не меняется так легко, как хотелось бы...

В какой-то момент на место этого незнакомца вновь вернулся мой черный ворон. Он все еще был в теле человека, но я уже опять видела в его глазах знакомый жестокий отблеск перьев, горящих медью.

Я не успела предпринять хоть что-то, меня снова на короткий миг объял страх. Страх, смешанный с все тем же болезненным жаром, который никуда не делся, а лишь увеличился от острой неизвестности.

Мужчина, крепко держащий меня в своих объятиях, вдруг стал двигаться совсем иначе. Его танец больше не был... безопасным. Движения стали резче, а рука на моей пояснице... начала перемещаться.

Я распахнула глаза, когда она сперва скользнула по спине вверх, очертив линию позвоночника, а затем неумолимо опустилась вниз, замирая на крестце. Почувствовала, как горячие, обжигающие пальцы нарочно неторопливо двигаются по обнаженной ложбинке, дразня меня.

Специально вынуждая сгорать со стыда.

Я больше не могла контролировать собственную реакцию.

И губы Антрацитового принца хищно изогнулись в улыбке.

Так легко...

Он наконец добился своего, похоже не собираясь останавливаться.

На этот раз даже музыка замедлилась. Теперь она плавно утекала в такт скольжению горячих ладоней по моему телу.

– Что ты делаешь? Перестань... – выдохнула я, когда принц положил мою руку к себе на плечо, освободив таким образом собственные. Теперь моих кистей касались черные распущенные волосы колдуна, а я боялась шевельнуть ими, чтобы не запутаться в мягких, как облако ночи, прядях.

Колдун стал еще ближе ко мне, а я не знала, как его оттолкнуть. Его ладони будто исследовали мою спину, то и дело опускаясь на бедра, и от его прикосновений на коже оставались легкие призрачные следы.

Он так сильно вжимал меня в собственное тело, что напряжение в моей груди, касающейся ткани его рубашки, становилось все сильнее.

А еще я кожей ощущала громкий, отчетливый стук его сердца...

– Ты же смелая ведьма, правда? – прозвучал около уха жаркий голос, от которого волны огня прошли по всему позвоночнику.

Колдун поднял руку, убирая мои волосы на спину и освобождая шею. В тот же миг я стала чувствовать, насколько близки ко мне его губы.

– Так не бойся: что с тобой может случиться во сне, а, Мартелла? Ты же не настолько трусиха, чтобы бояться сна? – прошептал он, случайно дотронувшись губами до шеи под самым ухом.

Так, словно это произошло без его на то умысла.

От этого легкого касания под кожей будто рассыпались раскаленные угли.

«Что с тобой может случиться во сне, Мартелла?..»

Очень правильный вопрос. Даже если этот нахал получает удовольствие оттого, что является девушкам во сне и смущает их наготой и близостью, что в этом фатального лично для меня?

Ничего. Ведь в реальности Антрацитовый принц – всего лишь ворон. Черный ворон со скверным характером. И у нас никогда не было и не будет с ним ничего большего, чем перепалки по дороге в королевский дворец и ссоры над старым Ведьмономиком.

Не будет ведь, правда?..

Но несмотря на это я прекрасно понимала: для меня, увы, проблема совсем в другом.

В том, что этот мужчина, к сожалению, мне нравился.

Я теряла голову, когда он касался меня. Замирала от его голоса и тонкого аромата.

И даже опасный ядовитый блеск его глаз казался мне манящим, словно я была мушкой, летящей в пасть саламандре.

А самое страшное – то, что, похоже, он это знал. Чувствовал каким-то своим чудовищным колдовским чутьем. Может быть, прочитывал в нашем танце или слышал в отголосках музыки. Создавалось впечатление, что он понимал чуть ли не все мои мысли по странной связи, которая возникла между нами.

Я глубоко вздохнула, задержав дыхание и закрыв глаза. И ничего не ответила.

Мне хотелось знать, почему это происходит. В чем причина этого темного дурмана: в том, что я сплю, а во сне с моим сознанием можно творить все что угодно, или же это действительно моя собственная реакция на самого черного колдуна Вальтариума?..

В этот миг источник всех моих переживаний чуть наклонился, продолжая меня дразнить и дыханием щекотать кожу в основании шеи, невесомо дотронулся губами до ключицы, а затем отстранился, словно ничего не произошло.

Только прикосновения его рук стали чувствительнее. Казалось, его пальцы вжимались в мое тело все сильнее, а зеленые глаза горели все ярче.

Я уже едва могла дышать, опустив голову и слушая, как бьется его сердце.

Быстро.

Оглушительно...

Мне было слишком горячо. Я едва заметно перебирала черные волосы на затылке, стараясь меньше дышать, меньше вдыхать аромат, который мне так нравился, пока его хозяин бесстыдно гладил меня и почти ласкал.

А мне нравилось... Я словно и сама чувствовала его мысли: хаос из черноты и огненных всполохов, бесконечности сверкающих звезд и темно-изумрудного дурмана.

Это было уже совершеннейшее сумасшествие.

Но в какой-то миг музыка вдруг затихла. Мужчина резко обхватил мой подбородок, замерев буквально на середине танца, и заставил посмотреть на себя.

Его взгляд пронзил насквозь. Темный и хищный, как у самого опасного зверя самых глухих лесов.

Сердце пропустило удар.

Я чувствовала, насколько горячей стала его кожа, как напряглись мышцы под тонкой рубашкой. И как громко колотилось в его груди, поднимающейся и опускающейся гораздо быстрее обычного.

Нет, он не запыхался после танца, его дыхание не сбилось от резких па.

Внутри него горел точно такой же огонь, как и во мне. И в ядовито-зеленых глазах я видела танцующие языки пламени...

В этот момент колдун вдруг поднял меня за бедра, заставив обхватить себя ногами, и резко прижал к стене, возле которой мы вдруг оказались.

Дыхание вышибло из груди, перед глазами потемнело.

Мне вдруг стало так страшно, потому что я видела в его взгляде то, что он на самом деле хочет. То, отголоски чего передавались и мне.

Антрацитовый принц коснулся ладонью моей щеки, проведя большим пальцем по нижней губе. От этого движения на коже будто бы осталась зудящая линия, требующая нового прикосновения. И только жестокие опасные глаза заставляли меня молчать – не шевелясь, едва дыша.

Я вдруг поняла, что этот сон может закончиться вовсе не так, как я рассчитывала. И все его последствия будут гораздо более реальны, чем можно представить.

И все равно я не могла отвести взгляд от проклятого колдуна.

Может быть, так выглядит первая любовь. Как глупость и грозные раскаты, грохочущие вместо сердца. Когда не можешь пошевелиться и не понимаешь, за что тебе вообще такое наказание.

Или награда... Это в зависимости от того, в кого посчастливилось влюбиться.

В моем случае это явно было именно наказание.

В тот момент, когда лицо черного колдуна приблизилось ко мне настолько, что между нами оставалась всего пара миллиметров, меня вдруг пронзила острая и яркая мысль. Вспышка – осознание, похожее на падающую звезду.

Я почти уже чувствовала прикосновение алых и таких манящих губ к своим, почти падала в черную пропасть, слыша лишь бешеный перестук двух сердец, как ошеломленно прошептала:

– Дрейгон... Тебя зовут Дрейгон, ведь так?

Колдун замер, будто его ударила молния. Зеленые глаза расширились и стали еще темнее прежнего. Он смотрел на меня так, словно не понимал чего-то. Словно пытался найти ответ в моем лице.

И только пульс продолжал громко стучать в ушах.

А затем все исчезло.

Волшебную комнату исказила и поглотила чернота. Мужчина, чье имя я словно прочитала где-то внутри себя, услышала по той странной связи, что нас объединила, исчез, оставив после себя лишь ворох черных перьев с медным отблеском. А я начала падать куда-то в бесконечную бездну, пока не разбилась, проснувшись у себя на постели.

За окном стояло утро. И, кажется, я пропустила момент получения Искры Воды, потому что до следующего этапа Королевского Отбора осталось всего три дня. Время как раз на обратную дорогу домой.

Глава 4

5, 6, 7, 8 числа месяца Костлявых ручьев.

Распахнув шторы и обнаружив, что за окном ярко светит солнце, я поняла, что пора собираться. Обратный путь до Лебединого дворца должен был занять не меньше трех суток. А на четвертые начнется Отбор. Конечно, я могла бы еще полдня как минимум потратить на поиски поляны васильков или, может быть, на то, чтобы заставить коварного ворона показать мне это место. Он-то наверняка знал, где оно находится.

Однако было предельно ясно, что Хмуря этого делать не собирается. А значит, придется перенести получение Искры на какой-то другой срок. Уверена, Ведьмономикону не составит труда придумать для меня новый стишок.

Можно было бы, конечно, прижать ворона к стене и сказать, что я либо придушу его подушкой, либо буду выщипывать по одному перу каждую минуту до тех пор, пока он не признается. Однако мало того, что это как минимум было опасно, так я еще и смущалась при одной мысли о том, чтобы о чем-то просить своего фамильяра.

Нет, не фамильяра – черного колдуна.

Слишком живыми и настоящими были воспоминания минувшей ночи. Слишком горячо становилось при одной мысли о мужчине, с которым я танцевала голышом и чье имя неожиданно увидела в своей голове.

Дрейгон...

Ну и пускай этого не было в реальности. Я была уверена, что для него все настолько же красочно, как и для меня.

Поэтому, быстро собравшись в путь, я громко постучала в дверь покоев принца и крикнула, не дожидаясь пока он откроет:

– Я спускаюсь к карете! Отправляемся домой!

Развернулась и пошла прочь. К счастью, кучер не обманул и действительно уже ожидал нас за воротами замка.

Проходя вдоль пустынных аллей, лишенных малейшей растительности, я раздумывала над тем, полетит ли за мной ворон. Но он не появлялся. Может быть, не услышал мои слова. Может, вообще не собирался больше покидать свой замок.

Одно я знала точно: у него есть крылья. А значит, если он захочет, ничто не помешает ему догнать карету и вернуться.

Я же не имела ни малейшего желания встречаться с ним. Стоило представить, как на меня вновь будут глядеть его пронзительные зеленые глаза, как меня кидало в жар.

А ведь я и раньше замечала, что с его глазами что-то не так. Просто не могла понять, что именно. Не могла понять, что на самом деле на меня смотрит вовсе не птица, а человек.

Теперь все было предельно ясно, но от этого ничуть не легче. А вовсе даже наоборот.

Черные чайки, все так же молчаливо и мрачно сидящие на голых статуях, сухих деревьях и вершинах бездействующих фонтанов, больше не пугали меня. Хотя их взгляды были не менее подозрительными, чем раньше. Но, кажется, сейчас меня гораздо больше занимали мысли об их хозяине, чем о них самих.

Распахнув дверь кареты, я на миг замерла, открыв рот от удивления.

Ворон сидел на одном из диванчиков, вальяжно развалившись на бархатных подушках. Он немного лениво повернул ко мне голову и бросил:

– Тебя не дожدهшься, недоведьма.

И снова отвернулся, будто ничего не произошло. Будто и не было этой и предыдущей ночей. Будто он все та же птица, а вовсе не человек.

Я даже на мгновение решила, что все случившееся мне привиделось. Что от переживаний и страхов в Антрацитовом замке у меня и впрямь помутилось в голове.

Мой ворон – просто ворон.

Хмуря – лишь фамильяр...

Но я встряхнула головой, раз и навсегда расставляя все точки. Я больше не собиралась обманываться и витать в облаках. А потому твердо проговорила, внимательно глядя в яркие ядовито-зеленые глаза:

– И тебе доброго утра, Дрейгон.

Ворон дернулся, будто его ударили. Вновь неторопливо повернулся ко мне и долго смотрел, словно пытался сжечь меня взглядом, а может, сказать что-то, что не решался произнести. Но одно было ясно: сейчас на меня абсолютно точно глядел человек. И это чувствовалось кожей.

Затем этот «человек» просто кивнул и взглянул в окно.

А у меня по спине прокатилась жгучая волна жара.

Все случившееся – правда!!!

Наш танец... его голодный отравляющий взгляд, руки и губы...

– Домой, уважаемый! – каркнул ворон через окно, заставив меня вздрогнуть и выбраться из плена слишком неловких и острых воспоминаний.

Карета тронулась в полном молчании. И так мы проехали первые двое суток пути. Почти не разговаривая, останавливаясь лишь для того, чтобы сменить лошадей. А на третьи сутки ворон расщедрился на рассказ о том, что на грядущем этапе Отбора конкурсанткам необходимо впечатлить наследника престола своим голосом. Таков, мол, старый обычай.

Я к этому времени уже мало что соображала от тошноты, и после его слов мне явно должно было поплохеть еще сильнее. Ну, судя по довольной физиономии ворона, он надеялся именно на это.

– Всю дорогу придумывал, какую бы пакость мне сказать, да? – хмыкнула я, расстраиваясь, что напиток Эйвина в моем бурдюке уже давно испортился.

– Ну что ты, Мартелла, – каркнул фамильяр, глядя на меня так, словно ждал, что меня вывернет прямо в карете, – ты, главное, смотри новый коврик не запачкай. Кстати, не хочешь поупражняться в пении прямо сейчас? Я знаю отличную песню, весьма подходящую моменту. Называется «Крот мне в рот, или Как ведьмой стать наверняка, если скушать червяка». Хочешь, научу?

От одной мысли о том, чтобы скушать червяка, мне стало раз в пять хуже. Может, в пять с половиной.

– Все-таки ты знатный паршивец, Хмурия, – сипло выдавила я, борясь с тошнотой.

Ворон каркаяще хохотнул и замолк. Всю оставшуюся дорогу мы провели в тишине.

К счастью, любая дорога рано или поздно заканчивается, и мы наконец оказались дома. У меня оставались сутки, чтобы отлежаться, подготовиться к Отбору и добраться до дворца.

Радовало одно: на пороге избушки меня встретил улыбающийся Эйвин, на плече которого сидела громко квакающая от счастья Лягурмелла. А неподалеку от крыльца в высоком вольере подпрыгивала Шаля, вращая своими маленькими дикими глазенками, то ли радуясь, что я приехала, то ли норовя выбраться из своего загона и заклевать меня от счастья.

– Привет, хозяйка! – бросил весело парень, а я улыбнулась в ответ.

Что ни говори, а я была дома.

Ведь если дом – это там, где тебя ждут, то, несомненно, избушка Ирмабеллы уже давно стала для меня таким местом.

Едва я подбежала к подмастерью и сжала его в объятиях, что-то радостно воскликнув, как откуда ни возьмись будто в такт моим эмоциям поднялся порыв ураганного ветра и подбросил нас двоих вверх.

Нам едва удалось устоять на ногах, как ветер утих.

– Надо же, как обрадовалась какому-то дармоеду, – фыркнул Хмуря, а затем не удостоив подмастерье ни малейшего внимания, пролетел в дом.

– Ты в порядке? Опять у тебя спонтанный всплеск, – проговорил Эйвин, крепко держа меня за талию. – Все же ведьмой тебе неплохо бы стать поскорее.

Лягушка, кстати, тоже взмыла в воздух и, как только мы все снова очутились на земле, упала ко мне на плечо и громко квакнула что-то на ухо. Потом снова и снова. Создавалось впечатление, что она рассказывает о чем-то, чего я, к сожалению, понять была не в состоянии.

– Да-да, мы все жутко соскучились, – кивнул Эйвин лягушке, – не ты одна!

Лягурмелла снова расквакалась ему в ответ, да так активно, что я невольно улыбнулась.

Тошнота, к счастью, стремительно отступала. Либо это родные стены лечили лучше любого лекарства, либо волшебный лесной воздух колдовского леса. В любом случае мне становилось значительно легче с каждой секундой.

– Ну как? Раздобыли Искру? – спросил Эйвин и, не дожидаясь ответа, схватил мою руку, перевернув запястьем вверх. Но там ничего нового не появилось, увы. Все те же две линии ярко выделялись на коже – прямая и рубленая. Зеленая и кирпично-алая.

Русые брови парня сошлись на переносице, а затем приподнялись. Он с удивлением взглянул на меня и проговорил:

– Искры Воды не оказалось в Антрацитовом замке?

Я глубоко вздохнула.

– Я гляжу, у вас там было непросто, – заметил Эйвин мой взгляд. – Ну ничего, проходи, расскажешь все дома. Я как раз испек пирог с головами палтуса. Очень вкусно, заходи скорее!

Пирог и впрямь вышел чудесный, а рассказ, который я поведала подмастерью, – не слишком детальный. Так я умолчала обо всех своих ночных приключениях, поведав лишь о бесплодности поисков и неожиданной человеческой форме черного ворона.

– Так Хмуря и есть Антрацитовый принц?! – ахнул Эйвин, широко открыв большие глаза. Его светлое лицо посмурнело, русые волосы упали вперед, закрывая взгляд. – Это все объясняет... Как, ты говоришь, его зовут?

– Дрейгон, – ответила и покраснела.

Хоть бы не заметил, глазастый домовой! А то объясняй потом...

Эйвин вроде не заметил.

– Дрейгон, – повторил он задумчиво. – Что-то знакомое, но, признаться, не могу вспомнить.

– Я почти уверена, что он принадлежал к королевской семье, – кивнула я. – Множество его портретов было в замке, и везде – коронованные вензеля.

Эйвин помрачнел еще сильнее, словно о чем-то догадался. Но почему-то вслух так ничего и не сказал.

– В общем, главное то, что добычу Искры я пропустила. А значит, как минимум могу отдохнуть! – Вероятно, проваленное испытание должно было меня расстроить. Фактически же оно лишь обрадовало.

А как иначе? В этот раз никакие пауки на меня не нападали, сгореть в погребальном костре мне не грозило. Ну подумаешь, чайки на меня своими клювами маленько пощелкали! Тоже мне – смертельная угроза!

В общем и целом несмотря ни на что я была довольна.

Чего не скажешь об Эйвине, который еще сильнее нахмурился.

– Это нехорошо, совсем нехорошо, – покачал головой он. – А за Хму... Дрейгоном теперь придется следить еще сильнее. Я бы посоветовал тебе и вовсе как можно быстрее его освободить, но... в свете того, что ты – одна из участниц Королевского Отбора и умудрилась засветиться перед принцем Альфианом, да к тому же твои собственные сестры ведут на тебя охоту...

Он покачал головой, а у меня по спине холодные мурашки запрыгали, как тараканы, в разные стороны. Ну вот зачем напоминать надо было, а?

– В общем, в свете всего вышеперечисленного тебе надо стать ведьмой как можно быстрее.

Я устало вздохнула и откинулась назад на спинку стула. Пирог Эйвина оказался на диво сытным, сразу в сон начало клонить. Я уже даже не так внимательно прислушивалась к его словам, признаться. Ну паникует домовый, как обычно. Чего с него взять?..

– Кстати, – вдруг проговорил он задумчиво. – Ведьмономикон ведь не давал тебе точной даты, когда ты должна получить Искру Воды, верно?

Я даже нахмурилась немного, предчувствуя засаду.

– Не давал, – покачала головой. – Но сказано было ясно: «Срок недолог к размышленью, всего неделя к исполненью...»

– Да-да, о том и речь! – воскликнул Эйвин, даже в ладоши хлопнув.

Ну все, чуяла я, что дело запахло керосином, так и есть...

Подмастерье наклонился над столом и твердо сказал:

– С тех пор как мы прочли предсказанье Ведльмономикона, прошла как раз неделя. Но новая-то неделя еще не закончилась!

– Какую-то ты ерунду говоришь, клянусь пирогом с палтусом. В общем, я спать, – махнула рукой и стала подниматься из-за стола.

Бежать надо, бежать в мягкую постельку, пока у этого веснушчатого молодца не возникла идея отправить меня обратно в карете до замка Антрацитового принца. Три дня по кочкам и ухабам на трясущейся колыхаге!

Нет-нет, я спать.

Причем спать без сновидений!!! Впервые за последние дни, между прочим.

В общем, выскочила я за дверь и уже почти добежала до своей комнаты, как подмастерье заловил меня у самого входа.

– Мартелла, я знаю, что ты устала. Но у нас еще есть шанс получить Искру, выполнив условия испытания. Если мы заставим Дрейгона тебе помочь, а мы заставим, – с нажимом добавил он, – то вы отправитесь обратно завтра после Отбора. После прибытия в замок у вас будет еще два дня на то, чтобы не минуло «две недели» к исполненью. Ты все успеешь!

В общем, я захлопнула дверь у него перед носом.

Невежливо?

Да.

Действительно?

Весьма.

Тем более что после его слов у меня перед глазами снова стояло человеческое лицо Антрацитового принца. И две ночи, которые я вновь могла провести в его замке...

На следующее утро стоило мне подняться с постели, как я начала собираться на Отбор. Испытание голоса, каким бы дурацким оно ни было, меня совершенно не пугало. Уж не знаю, для чего будущей королеве Вальтариума иметь красивый голос, но у меня он был. Петя я любила с детства, а в нашем приюте даже регулярно выступала на конкурсах самодеятельности. В общем, испытание меня не страшило ни капли.

Я весело насвистывала себе под нос веселую мелодию старой народной песенки, выбирая платье, которое хорошо смотрелось бы в лучах яркого солнца, проникающих сквозь красивые разноцветные витражные окна Лебединого дворца.

Однако едва я присмотрела себе пестрый изумрудно-желтый наряд с вышитыми на груди бабочками, как в дверь дома постучали. Краем уха я услышала, что Эйвин открыл неизвестному посетителю, что-то негромко проговорил, а затем закрыл. Через пару мгновений стук раздался уже в дверь моей комнаты.

– Что случилось? – спросила я, обнаружив подмастерье у себя на пороге.

– Письмо, – протянул он мне красивый конверт с королевскими вензелями.

Быстро раскрыв дорожную бумагу, с дрожащим сердцем я пробежала взглядом каллиграфические буквы, выведенные рукой неизвестного секретаря.

Я уж боялась, что новости будут плохими. Новости, помеченные королевским гербом, вообще редко бывают хорошими. Однако в этот раз все оказалось скорее неожиданно, чем плохо.

– Ну, что там?

– Второй этап Королевского Отбора пройдет на закате! – проговорила я удивленно. – Ты представляешь?

– На закате? – нахмурился Эйвин. – Это... странно. И не очень хорошо. На ночь глядя ничего хорошего обычно не происходит.

– Конечно, не происходит! Я же платье подбирала для дня, а не для ночи! – воскликнула я, бросая расстроенный взгляд на свою желто-зеленую красоту.

Подмастерье посмотрел туда же, куда и я, и, кажется, его глаза слегка расширились. Одна бровь поползла вверх. Еще мне в какой-то момент показалось, что он хочет хлопнуть себя ладонью по лбу, но тщательно сдерживается.

– Что, тебе тоже понравилось платье, да? – уточнила я. – Тогда, наверно, стоит все равно его надеть!

– Нет-нет, Мартелла! – ахнул Эйвин.

– В смысле «нет»?

– В смысле платье, конечно, очень красивое, но давай выберем на вечер что-то по... скромнее. Все же темно будет, а ты там... желтая... зеленая... в бабочках.

Парень покраснел, глядя на меня так, словно буквально жаждал сказать что-то другое, но не мог... себе позволить.

– Ты на что-то намекаешь? – подозрительно приподняла бровь я.

– Нет-нет, что ты, – поспешно завертел головой он, и пришлось поверить проходе.

– Ну, поскромнее так поскромнее, – согласилась тогда я, мысленно прощаясь с нарядом, в котором меня было невозможно не заметить. Увидела бы меня в нем графа Филиппа, что в приюте раз в месяц раздавала нам чистую серую хламиду взамен грязной, упала бы в обморок. Иногда мне казалось, что старая карга так сильно привыкла к серому цвету, что ее раздражали все другие. Однажды я заметила, как она шла по саду возле приюта и кривилась, глядя на только что распустившиеся оранжевые розы.

– Смотри, вот в этом ты наверняка будешь великолепна! – проговорил в это время Эйвин, протягивая мне узенькое длинное платье темно-синего цвета.

Я как-то разом скисла.

– На нем даже цветочков нет, – пробубнила, поджав губы и прикидывая, что, если надену его, могу попробовать выпросить у Альфиана ту огромную брошь в виде красного цветка, в которой он явился в последний раз. Интересно, это будет сильно некультурно – отбирать у принца украшения?..

Дело в том, что предложенное Эйвином платье было единственным темным и лишенным украшений из всего моего свежкупленного гардероба. И то приобрела я его только потому, что в свете магических кристаллов и огней неяркая ткань начинала переливаться мелкими, незаметными в утреннем свете искорками.

Я сперва нахмурилась, но затем, вспомнив о блестящем секрете, улыбнулась и кивнула.

– Хорошо, синее так синее.

– Кстати, оно великолепно пойдет к твоим рыжим, как огонь, волосам, – добавил подмастерье, а я улыбнулась в ответ, накидывая халат.

– Как огонь? Ты сегодня очень поэтичен, Эйвин, – проговорила, подмигнув парню. – Это с чем-то связано?

Неожиданно он опустил взгляд, но я успела заметить, что его светлая кожа слегка покрылась румянцем.

– Может, с тем, что сегодня утром у него еще меньше мозгов, чем обычно? – раздался мрачный голос со стороны окна.

А затем стук огромных когтей о подоконник возвестил о том, что на него приземлился громадный ворон.

Солнце светило ему в спину, и сейчас он казался еще крупнее и зловещей, чем обычно.

А может, таким он казался оттого, что теперь я видела перед собой не ворона, а черного колдуна...

– Не может быть в одно время много мозгов, а в другое мало! – воскликнул возмущенный до глубины души подмастерье.

– Ква! – поддакнула Лягурмелла, которая теперь повадилась спать у меня на тумбочке на подносе, среди мокрых лопухов, которые для нее рвал Эйвин.

Последнего она за это, кстати, очень любила. Он же ее и изумрудными стрекозами кормил. Ну не домовой, а мамаша-лягушка!

– Конечно, не может быть в разное время разное количество мозгов, – кивнул ворон, – особенно в случае, если их всегда – жаба наплакала.

– Сейчас мне их ворон наплачет, – сжав зубы, бросил подмастерье, стискивая кулаки.

Хмуря что-то хмыкнул, бросив на меня мрачный зеленый взгляд.

– Недоведьма, ты что, не сказала ему, что я – колдун? А, наверное, сказала, да не помогло! Мозгов-то нет, – закивал снова, будто подтверждая собственные мысли.

Распахнул крылья и полетел через всю комнату, ни капли не опасаясь, что Эйвин его в полете схватит за хвост и все перья повыщипает.

Эйвин не схватил.

Похоже, все же помнил, что имеет дело не с вороном.

– Жду вас на кухне! – каркнул Хмуря. – Надеюсь, дармоед хотя бы завтрак приготовил.

Проводив взглядом черного фамильяра и красного от ярости подмастерье, я не смогла сдержать ухмылки. Признаться, мне всегда казалось, что саркастические выходки ворона на самом деле полны юмора. Разве что черного. Просто когда они были направлены на меня, было малость не до смеха.

День пролетел незаметно, а к вечеру Хмуря сел вместе со мной в карету, и мы все так же молчаливо, как и прежде, поехали в Лебединый дворец.

После того, что случилось (или не случилось?) у меня во сне, каждый раз, когда мы оказывались с вороном наедине, воздух между нами можно было резать ножом, настолько густым и искрящимся он становился от напряжения.

Сидя на мягких подушках внутри экипажа, я старалась концентрироваться на том, что мне предстоит. Выбирала песню, которую придется спеть, представляла, как буду делать десяток дурацких реверансов. А еще мысленно прощалась с подолом платья, на который раз сто придется наступить во время этих самых реверансов.

Задумчиво теребя кольцо-перстень, который дал Альфиан, чтобы можно было попасть в замок, я думала о том, что у меня самой никогда не было никаких украшений. А за последние недели я видела их столько, что в глазах рябило. Мой шкаф был забит красивыми платьями, почти полпути инициации пройдены, у меня появился дом и друзья.

Однако я все еще была далека от исполнения мечты...

А еще у меня успели появиться враги: как минимум две ведьмы, являющиеся моими собственными сестрами, и один черный колдун. Я же при этом находилась на волосок от того, чтобы не влюбиться в последнего.

В общем, Мартелла Довилье жгла, как могла.

В какой-то момент я так разнервничалась от всех этих мыслей, что случайно вслух произнесла, в очередной раз прокрутив перстень вокруг пальца:

– Стоит сконцентрироваться на насущных проблемах, Мартелла... На кой дракон наследнику престола поющая невеста? Колыбельные петь вечерами? Или оды королю по утрам?..

Ворон впервые за всю дорогу повернул ко мне голову, смерив уничижительным взглядом, и почему-то с особым презрением остановил свое внимание на перстне. Потом вновь посмотрел мне в глаза и ответил:

– Потому что Отбор, как правило, редко приводит к замужеству дофина.

– Что?

– Ты не поняла этого, узнав, что Отборов уже было три штуки? – хмыкнул он хрипло. – Тогда у тебя тоже проблема с мозгами. Прямо как у подмастерья. Или, может, это болезнь и она заразная? Тогда мне следуют держаться от вас подальше.

Каркаяще усмехнулся и снова взглянул в окно. Впрочем, говорить от этого не перестал.

А это было уже необычно! Если Хмуря был чем-то раздражен, он отказывался разговаривать или вообще улетал, лишь бы не видеть меня.

Теперь же он не только не молчал, а и вовсе продолжал объяснять, словно... хотел, чтобы я поняла.

– Королевский Отбор созывался для поиска невесты наследнику престола несколько веков назад. Когда благородных ронн было очень мало, а многие

дворянские семьи были вырезаны одной из междоусобных войн. Король оказался вынужден придумать Отбор, чтобы пригласить на него наследниц из ближайших мелких княжеств и герцогств, потому что ни одна из них не была достаточно родовита, чтобы выбрать ее сразу. Сейчас ситуация другая. Дофин Вальтариума способен найти себе жену где угодно. Законы изменились. Ему не возбраняется при желании даже взять неблагородную девицу из села, хотя это и не принято. Отбор – лишь формальность, которая призвана повеселить наследника. Как балы для придворных дам, где они могут вдоволь поест и потанцевать. Принц же на Отборе развлекается и находит себе новых любовниц. Все.

– Любовниц? – ахнула я.

– Именно, – кивнул ворон, склонив голову набок и взглянув на меня, словно ждал какой-то реакции.

– Что ж... спасибо за информацию, – ответила после некоторого молчания. – Хотя корона никогда и не была моей целью, теперь хотя бы ясно, почему я должна петь.

Я попыталась улыбнуться ворону... признаться, мне хотелось почувствовать в ответ хоть частичку тепла. Хотелось думать, что я могу найти с этим черным колдуном общий язык.

Ведь в этот момент мне вдруг стало ясно, что именно раздражение и злость на что-то является причиной его сарказма и насмешек. А не наоборот. То есть он пытается уязвить все вокруг, а в данный момент – меня, не потому, что он меня ненавидит или презирает. Нет!

Что-то другое, словно яд, разъедало его внутри. И этот же яд сочился наружу.

Но на кого злился Хмурия? Или кого ненавидел Дрейгон?..

Причиной этой отравы явно была не я, потому что прямо сейчас ворон рассказал мне о цели Отбора, хотя мог бы этого не делать. Если бы он желал мне зла, то, наоборот, промолчал бы! В теории я вполне могла бы стать любовницей принца, надеясь получить корону. А в итоге осталась бы если не с разбитым сердцем, то сильно разочарованной в жизни.

Разве это не хорошая шутка?

Мартелла, погнавшаяся за принцем, а получившая дырку от бублика?

Ну и пусть я никогда не собиралась гоняться за принцем, Хмурия-то в этом не может быть уверен.

Поэтому прямо сейчас меня буквально осенило понимание того, что ворон не желал мне зла, хотя и старательно создавал обратное впечатление.

Так, может быть, если причина злости в его сердце не я, то мы смогли бы найти общий язык? Подружиться?..

Когда я думала об этом, что-то внутри у меня дрожало. И я продолжала улыбаться, глядя на черного колдуна, скрытого маленьким телом и ворохом перьев, среди которых его собственными оставались лишь глаза.

Но... ворон не ответил на улыбку, снова отвернувшись к окну.

Я сперва даже хотела расстроиться. Но в этот момент карета подъехала к дворцу и перед нами открылись двери.

А еще я подумала, что вороны не умеют улыбаться и не стоит от них этого ждать.

– Мартелла Довилье, – в свете заходящего солнца поприветствовал меня один из слуг, коснувшись рукой в белой перчатке моего приметного желтого кольца. – Вас, как и остальных претенденток, ожидают в Малахитовой зале на втором этаже.

– Благодарю, – проговорила я в ответ, бросая взгляд через плечо на ворона, но его уже не было в карете, – сию минуту проследую, куда нужно.

Хмурия исчез. Похоже, он не хотел, чтобы его видел этот слуга.

Интересно, почему?..

Впрочем, возможно, я преувеличиваю.

Помнится, в прошлый раз он не постеснялся сидеть у меня на плече даже тогда, когда в зале находились другие претендентки и целый распорядитель. Однако, если припомнить, как только в помещение вошел принц Альфиан, Хмури и след простыл. Лишь его магия продолжала творить очередной беспредел. Крыса появилась, платье у меня порвалось и тут же починилось... Но ворона нигде не было.

Могло ли оказаться так, что он сознательно не показывался перед какими-то конкретными людьми, проживающими в Лебедином дворце? Перед теми, кто мог бы его узнать?..

Об этом я думала, пока добиралась до Малахитовой залы, где, как оказалось, уже собрались почти все девушки.

Из высоких полукруглых окон в этот поздний час уже не лился солнечный свет, и разноцветные витражные стекла потемнели. Сейчас лишь позолота в стыках между треугольниками, что составляли диковинные мозаичные композиции, мерцала огнями в свете магических кристаллов и свечей, разожженных по углам огромного помещения.

Стены здесь были отделаны дорогим зеленым малахитом, на что и намекало название залы. С этим камнем прекрасно сочетались многочисленные золотые элементы интерьера: светильники, люстры, статуи, заклепки на мебели и кисточки на портьерах.

Однако, как только я вошла внутрь, все мое тело с ног до головы будто окатило ведром ледяной воды.

Я почувствовала чужой взгляд.

И это был взгляд не того десятка девушек, что кроме меня прибыли на Отбор, щеголяя по Малахитовой зале в дорогих нарядах.

Это был взгляд злой ведьмы.

Не знаю, как я это поняла, но, безошибочно определив направление, откуда он появился, повернула голову и увидела сестру.

На меня глядела Сафира Сирье, белая колдунья и правая рука Джоксара Первого, как она сама изволила мне представиться. А еще – признанная дочь моего отца.

Молодая женщина стояла в самом углу, словно безмолвный наблюдатель. На ней было все то же красивое белое платье, украшенное золотыми звездами, и множество дорогих светящихся украшений.

Рядом с ней расположилась еще одна девушка. Она казалась чуть моложе. Если Сафире я могла бы дать около тридцати лет, то вторая – выжженная, крашеная блондинка в кремово-белом платье – выглядела гораздо младше. Она была ненамного старше меня и имела более живое и свежее лицо, чем у Сафиры. Впрочем, взгляд этой новенькой показался мне не менее опасным. Быстрым и цепким, как рыболовный крючок. Для акулы.

Сафира наклонилась к этой девушке и шепнула что-то ей на ухо.

Неизвестная ронна тут же посмотрела на меня и приподняла бровь. А следом на ее лице появилась едва заметная ледяная улыбка.

Я поспешила отвернуться и встать куда-нибудь так, чтобы всегда видеть родственниц. Ведь в том, что вторая ронна – тоже моя сестра, я больше не сомневалась ни капли.

Блондинка и брюнетка. Обе, судя по всему, ведьмы. Ведь у второй тоже было платье характерного кроя с тем же рисунком. Получается, что она просто еще не дослужилась до такого же высокого ранга, как старшая сестра, но при этом уже являлась магичкой на ставке короля.

– Волшебненько, – выдохнула я еле слышно, пристраиваясь к стене подальше от угрозы и краем глаза продолжая следить за сестрами. – И Хмури нигде нет...

Сегодня вместо какого-нибудь модного бабушкиного ожерелья я надела на шею лишенный Искры Глаз Огня. Красный камень, вставленный в красивую золотую

оправу, был все так же прекрасен, как и прежде, несмотря на то, что в нем больше не осталось магии. Он великолепно подходил к моему платью, ярким пятном бросаясь в глаза и сочетаясь с рыжими волосами.

Однако все это было не столь важно. На самом деле я рассчитывала с его помощью достигнуть определенной цели. И прямо сейчас, снова заметив сконцентрировавшееся на мне внимание двух ведьм, я, будто невзначай, покрутила в пальцах камень, сделав короткий ответный залп взглядом.

Получилось эффектно.

Сафира побагровела, а вторая ведьма стала белой как мел.

Обе ронны прекрасно заметили, что внутри Глаза Огня больше не сверкает магия! Они обе понимали, что Искра теперь во мне...

Думали ли они, что у меня получится впитать ее? Наверняка нет. Ведь Сафира даже не предполагала подобного при первой нашей встрече. Она жаждала получить полноценный Глаз Огня, не удосуживаясь уточнить, не успела ли я еще им воспользоваться.

У нее не было и малейшего подозрения на этот счет!

А я так утерла им нос...

От осознания того, что мне удалось сделать это, в груди потеплело.

Казалось, что я могу собой гордиться. Ведь не стоило забывать, что мне едва не пришлось лишиться жизни ради этой Искры во время испытания, которое мне устроили ворон с подмастерьем. В тот момент на погребальном костре я реально думала, что умру, и выжила лишь чудом.

Я закрыла глаза на миг и вздрогнула. Под опущенными веками, как вживую, всплыли события того дня.

Как мне было больно... Страшно...

И как прохладная рука появилась на моем лбу вместе с тихим шепотом, проникающим прямо в сердце. Шепотом, от которого мне каждую секунду становилось легче...

Я вздрогнула вновь, и на этот раз гораздо сильнее. Распахнула глаза, задержав дыхание от мысли, что вспыхнула в голове, словно зарево.

– Ох ты ж... – губы сами что-то там пробормотали, пока я лихорадочно соображала.

Это же Хмуря был!

Дрейгон!

Там, на погребальном костре, рядом со мной был Дрейгон в человеческом облике!

Человек, мужчина, колдун со жгучими зелеными глазами и прикосновениями, от которых я загоралась, как сухая листва.

Уже тогда.

Он меня спас...

– Уважаемые ронны, благородные девы, мы вот-вот приступим к нашему испытанию! – хлопнул в ладоши распорядитель Ирвис, незаметно появившись в дверях и зависнув там, как летучая мышь.

Он глянул краем глаза в коридор дворца, словно ожидал, когда появится его высочество принц.

Альфиана все еще не было.

– А пока я напомню тем, кто еще не в курсе. Сегодня вы должны поразить наследника престола вашими дивными голосами, – улыбнулся он, тряхнув короткой черной челкой, и плавно вошел в зал. Щелкнул пальцами, и в тот же миг со всех сторон одновременно появились официанты с подносами напитков.

– И так как испытание было решено перенести на вечер, чтобы можно было провести его в непринужденной расслабленной обстановке, вы можете угощаться напитками и веселиться! – добавил он, кивая на винные бутылки.

В то же время в стенных нишах завозились люди, которых, признаться, я сперва приняла за статуи, такими неподвижными и гладкими они выглядели в облегающих белых костюмах. У каждого музыканта ко всему прочему оказался абсолютно белоснежный музыкальный инструмент, что дополняло эффект скульптур, поэтому тот факт, что они неожиданно «ожили», привел меня в легкое замешательство.

А затем в воздухе начала разливаться приятная музыка, под которую прямо-таки напрашивалось что-нибудь спеть.

Я искоса глянула на игристое вино, пузырящееся в прозрачных бокалах с золотой каймой, и отвернулась. Не хватало еще голос испортить перед выступлением!

– Вы можете выбрать песню по своему желанию, – продолжал Ирвис, – однако пусть это будет что-нибудь пристойное, от чего скромность его высочества не окажется под ударом.

Откуда-то со стороны окна донесся подозрительно знакомый смешок, напоминающий карканье.

Я резко развернулась, но ничего не увидела. Высокие витражи были плотно закрыты. Однако под сердцем у меня что-то екнуло и разлилось приятным теплом.

Дрейгон был здесь.

Когда я вновь посмотрела на распорядителя, оказалось, что в зал уже вошел принц. Девушки тут же поспешили поклониться, пришлось следовать их примеру, и, растянув юбку в стороны, я надеялась лишь, что реверанс у меня стал получаться чуточку лучше.

Впрочем, пока Альфиан с улыбкой разглядывал приветствующих его ронн, спина болела не меньше прежнего. К несчастью, в этот момент к принцу двумя невесомыми снежинками подлетели исчадия зла. В смысле мои сестры. Они обступили его с двух сторон и начали что-то счастливо щебетать.

Проклятый принц из-за этого так и не успел дать нам позволение разогнуться. Так все конкурсантки и стояли, подрагивая в поклоне и тщательно удерживая пышные и не очень юбки.

Я же вся напряглась, из-под упавших на глаза прядей рассматривая, какая реакция была у наследника престола на моих сестер. И как они сами вели себя с ним.

Это было очень важно!

Альфиан отвечал на приветствия ведьм с улыбкой, но было видно, что он не очень-то доволен.

Это меня так обрадовало! Может быть, принц не слишком любит своих придворных ведьм?

Впрочем, я могла и ошибиться. Тем более что через некоторое время, за которое я даже умудрилась забыть о затекших мышцах, Сафира с церемонным поклоном отошла в сторону и возле принца осталась лишь вторая моя сестра. Выжженная блондинка.

Интересно, как она вообще добилась такого цвета волос? Ее пряди будто бы вечность горели на солнце. Настолько долго, что едва не превратились в пепел. Впервые видела нечто подобное.

Тем временем эта вторая встала чуть позади Альфиана со стороны правой руки. Она была так близка к принцу, что ее кремово-жемчужное платье, усыпанное звездами, почти касалось его ног.

И вот это мне совсем не понравилось...

Тем временем на небольшой помост в торце залы с помощью распорядителя стала подниматься первая девушка. Ею оказалась Желика Фроталь, жгучая брюнетка, которая должна была командовать собственной армией.

Она выглядела хмуро, но гордо. Уже на самом верху помоста она замедлилась, мрачно посмотрев на Ирвиса, но тот и глазом не моргнул, громко возвестив, будто так и надо:

– Не забываем, благородные ронны, что отказ от испытания мгновенно исключает вас из участия в таком значимом и великом событии, как Королевский Отбор!

Другие девушки зашептались, кто-то испуганно, а кто-то с легким пренебрежением.

Мне стало жалко полную достоинства брюнетку, которая явно не слишком умела петь. Однако Желика тут же отвернулась от зала, гордо дошла до середины помоста и остановилась. Музыка на миг стихла, чтобы почти сразу заиграла совсем иная мелодия.

– Баллада о женщине-рыцаре, собственного сочинения Желики Фроталь! – возвестила она звучным командным голосом.

Остальные конкурсантки почтительно замолкли, заранее впечатленные. Затем черноволосая фея запела, а участницы Отбора, казалось, и вовсе перестали шевелиться, не в силах оторвать глаз от певицы... у которой вообще не было слуха.

Ее песнь разливалась по залу, как завывания раненого медведя, периодически переходящие в ночные лягушачьи трели. И хотя Желика явно знала о своей проблеме и старалась не столько петь, сколько размеренно «читать» свои стихи, это не слишком помогало.

И ладно бы дело было только в слухе, которого бедняжке не дали боги, так ведь и слова песни оказались весьма... специфичными. Меня же настолько поразила эта баллада, что один кусок напрочь въелся в мозг. Признаться, я даже с ужасом думала о том, что он останется там навсегда:

«...И смелая дева, ворвавшись в бордель,
Тряся серебристой кувалдой,
Поспешно крушила любви цитадель,
Где пахло грехом и лавандой...»

В общем, все присутствующие были настолько поражены услышанным, что Желика допела в гробовом молчании. Только музыканты продолжали играть свои партии, хотя и они явно мечтали все бросить и получше прислушаться к воинственной исполнительнице.

Как только баллада о женщине-рыцаре наконец закончилась, по залу опять начали сновать официанты, девушки защебетали, явно обсуждая таланты первой конкурсантки, а принц хлопал в ладоши с натянутой на лицо улыбкой.

– Прекрасно-прекрасно! – кашлянув в кулак, неожиданно охрипшим голосом проговорил Ирвис. – Спасибо, ронна Фроталь.

Девушка степенно спустилась со сцены, и принц даже поцеловал ей руку, отвесив пару комплиментов.

Вот сила воли у человека! Врет и не краснеет. Впрочем, если бы меня интересовала чья-нибудь армия, я, наверное, тоже говорила бы исключительно приятные вещи.

Тем временем на сцену взошла вторая конкурсантка, и все потекло своим чередом. Новая песня уже не была такой экспрессивной и эмоциональной, музыка играла спокойно и размеренно, а женский голос звучал вполне терпимо и местами даже красиво.

– Любезная ронна Довилье, могу ли я составить вам скромную компанию? – раздался в этот момент голос у меня над ухом, и я с изумлением обнаружила, что принц уже давно находится не где-то в стороне, метрах в двадцати от меня, а очень даже рядом со мной! Насколько близко, что его дыхание щекочет волосы у меня над шеей...

– Конечно, ваше высочество, – стремительно развернулась я к нему и сделала очередной реверанс.

Альфиан снисходительно взглянул на меня сверху вниз и кивнул, не преминув задержаться взглядом на декольте моего платья. Теперь-то я уж понимала, что его привлекает вовсе не отделка наряда, а то, что под ним.

Впрочем, как ни странно, стоит отдать принцу должное, казалось, что именно на моей груди его взгляд задерживался на значительно более короткое время, чем на достоинствах остальных претенденток. И другая на моем месте наверняка бы расстроилась, мол, «ах-ах, наследник престола считает меня недостаточно симпатичной, сделаю декольте поглубже». Но все это было не про меня! Увы, мне внутренне совершенно не хотелось искать внимания наследника престола. К тому же после того, как я убедилась в истинной цели Отбора, я и вовсе не желала, чтобы Альфиан рассматривал меня как возможную любовницу.

Не знаю уж, насколько принц должен быть влюблен в меня, чтобы при нашем поцелуе королевская Искра Солнца передалась мне, но я надеялась, что хватит и легкой приязни. Ну, может, с капелькой страсти. Оставалось надеяться, что уж на это моих прелестей хватит!

Кроме того, меня успокаивал тот факт, что именно сегодня Альфиан в любом случае уже испытывал ко мне чуть больший интерес, чем к другим участницам. Не знаю, с чем это было связано: с моей внешностью, в которой, вообще-то, не было ничего особенного, с красивым платьем или, может быть, с чем-то еще. Но едва представилась свободная минута во время пения конкурсантки, принц подошел ко мне САМ. К первой из всех остальных девушек. И по его весело блестящим глазам я поняла, что он определенно имеет что мне сказать.

Вот только что же это может быть?..

– Вы сегодня дивно выглядите, ронна Довилье, – проговорил тем временем принц, неожиданно взяв меня за руку и поцеловав тыльную сторону. Словно какой-нибудь придворной даме.

Я слегка засмущалась этому знаку внимания. Не всякой придворной даме сам наследник престола будет руку целовать... Разве что той, у которой есть свободная и не очень нужная армия!

Когда вернусь домой, надо будет проверить, не завалилось ли у меня такой где-нибудь. А то вдруг я чего не знаю?

– Благодарю, ваше высочество. – Очередной реверанс, и я, прикусив губу, мысленно костерю создателей придворного этикета.

Принц бросил на меня задумчивый взгляд, словно собирался с мыслями.

Да что же это у него такое в голове, что он и сказать не решается? Может, у меня помада смазалась или, не знаю, подол в трусах застрял?

Я даже невольно заозиралась, осматривая себя со всех сторон, и в этот момент под аккомпанемент особенно высокой ноты конкурсантки принц спросил:

– Скажите, Мартелла, каким вы видите свое будущее?

Я слегка опешила от этого вопроса, признаться.

И что я должна ответить? Что мечтаю стать его возлюбленной и между делом – королевой Вальтариума?..

И если последнее было бы, в принципе, очень даже неплохим скачком в карьере, то первый пункт казался мне весьма сомнительной перспективой.

– Я... – проговорила слегка нервно, пытаюсь найти правильный ответ.

Впрочем, как ни странно, одна крайне неприятная особа избавила меня от необходимости лгать дофину.

К нам подошла моя вторая сестра. Блондинка с мрачно блестящими каре-зелеными глазами. С улыбкой она присела в поклоне перед принцем, а затем, не дожидаясь вопроса или позволения сказать, заговорила:

– Ваше высочество, не познакомите меня с этой очаровательной ронной? Хотелось бы узнать поближе всех девушек на Отборе.

Ее голос разливался мягкой патокой, как мед затекал в уши, грозясь напрочь там застрять.

Тщательно скрывая гримасу отвращения, я едва не пропустила момент, когда лицо Альфина неуловимо изменилось. Выражение благосклонности и легкого веселья, с которым он смотрел на меня, сменилось маской благородной учтивости... и полного безразличия.

Интересно, почему? Кто же была для него эта особа?..

Принц тем временем аккуратно указал на меня ладонью и проговорил:

– Мартелла Довилье, официальная наследница гранды Ирмабеллы Довилье, Ржавой вдовы.

Ни один мускул не дрогнул на лице колдуньи при звуках моего очень даже нетривиального титула. Конечно, ей было совершенно нечему удивляться, ведь она прекрасно знала, кто я.

– Ронна Иветта Рефар, – продолжил принц, в свою очередь указав на сестру. – Третья из шестерки магов в Коалиции Светлых волшебников Вальтариума. И моя личная волшебница в Лебедином дворце.

Вот оно что... Получалось, что Сафира являлась правой рукой короля, а Иветта – правой рукой принца. Неплохо устроились!

Но отсюда рождались два вопроса.

Первый: почему Иветта носила фамилию Рефар, а не фамилию моего отца? Могло ли быть такое, что эта женщина вовсе не моя сестра?

И второй: почему лицо Альфиана так неуловимо изменилось, когда к нему подошла его же личная ведьма? Та, что должна прислуживать ему во всем и обеспечивать магическую безопасность, где бы он ни находился?..

К несчастью, ответы на эти вопросы мне найти пока не удавалось даже в теории.

В этот момент Иветта вдруг резко развернулась и остановила проходящего мимо официанта. Сняла с его подноса по очереди три бокала. Один отдала Альфиану, одарив того улыбкой, полной обожания, а затем один из двух оставшихся протянула мне.

– Ох, я так рада познакомиться с вами, – радужно проговорила она. – Давайте выпьем за то, чтобы сегодняшнее испытание для всех прошло хорошо. И пусть это будет для вас просто развлечением, а не стрессом и переживаниями. Ваше высочество, вы ведь уже сказали, что никто из девушек после этого испытания не будет отсеян? Пусть развлекаются, а то трудно представить, какой это удар по слабым женским нервам!

От ее сладких слов у меня чуть не слиплось там, где не надо. Похоже, Иветта пыталась выглядеть настолько мягкой и зефирной, как только могла. Даже кремовое платье ее, если подумать, напоминало одну большую облачную конфету.

Но, даже не зная лично Иветту Рефар, я чувствовала, что все это ложь. Лишь фасад, за которым скрывается ядовитая змея. То был какой-то необъяснимый внутренний зуд, который будто говорил: держись от этой ведьмы подальше, она съест тебя с потрохами еще быстрее, чем Сафира.

Но вот что интересно: неужели то же самое ощущал и Альфиан?..

И если да, тогда почему Иветта до сих пор его правая рука?

Выслушав всю ее карамельную речь, принц кивнул и молчаливо выпил игристого вина, лишь бы не отвечать.

«Хитро!» – подумала я и сделала то же самое.

С тонкой, как червяк, улыбкой Иветта последовала нашему примеру. Так мы и пили, переглядываясь, словно трое заговорщиков, пока девушка на сцене наконец не перестала петь и распорядитель неожиданно не возвестил:

– Ронна Мартелла Довилье! С ее песней...

В этот момент он, похоже, понял, что я не уведомляла его заранее о том, что буду исполнять.

Снова проклятый реверанс принцу и его улыбающейся ведьме, и я поспешила к мчащему навстречу мне Ирвису.

– Ронна, как же так, что вы будете петь сегодня? У меня это не указано!

– «Медный закат», – ответила я, и с каждым словом мои глаза расширились все сильнее. – Это... стихи, придуманные мной буквально... Да что же это такое?

Мой голос вдруг неожиданно почти превратился в мужской бас, доведенный до серьезной хрипоты многолетним курением трубки.

А я, между прочим, трубку и в руках-то никогда не держала!

– Что с вами, ронна Довилье? Вы в порядке? Подавились? – участливо спросил распорядитель, однако его брови оставались сведенными. – Потому что если вы не подавились, а это такая уловка, чтобы не выступать, то я спешу уведомить вас, что сим вы будете исключены из Отбора.

– Нет-нет! – басом ответила я, и мужчина даже маленько отшатнулся. – Я буду исполнять «Медный закат»! Только мне нужно пару минут, чтобы... откашляться.

Ирвис сдвинул брови сильнее. Девушки где-то в стороне зашептались, и я слышала, как растет этот гомон, словно пчелиное жужжание.

– Хорошо, ронна Довилье, я пушу перед вами еще одну конкурсантку. Но после вы должны будете появиться и исполнить свой номер. Это ясно?

– Конечно, – поспешно закивала я, с ужасом пробасив в ответ.

– Тогда уточните мелодию для музыкантов, – взял перо распорядитель, чтобы записать к себе на пергамент.

– Старая Вальтарская колыбельная, – через силу выдавила я и, неловко поклонившись, заторопилась прочь из зала.

Лишь краем глаза у самого выхода я заметила, как Иветта и Сафира мрачно улыбаются, стоя в темном углу Малахитовой залы.

Осознание того, что одна из мерзких ведьм отравила меня, явилось довольно быстро. Вместе с тем накатил и ужас оттого, что я вообще могу лишиться голоса или жизни.

Я бежала так быстро, как могла, по коридору дворца в поисках уборной. Понятия не имела, где она находится и что я вообще буду там делать. Общие уборные в замках – это не те комнаты, как во дворце Дрейгона, с магией, искрящимися кристаллами и красивой купальней в полу. Нет! Такое возможно лишь в личных покоях благородных особ. Там, где за функционированием магической канализации и системы водоснабжения почти непрерывно следят колдуны. Ведь в отсутствие магической подпитки все остановится и придет в упадок. Появится вонь, нечистоты, плесень и мухи.

Собственно, все это, как правило, и находилось в общих уборных любого замка. Такие помещения торчали из дворцовых стен наружу, как прыщи-наросты. Или грибы-поганки. Никакой канализации там не предусматривалось, а слив нечистот шел из дыры в полу прямо наружу вниз. Через много этажей на землю.

Магия в таких помещениях присутствовала лишь для того, чтобы устранять запах, поддерживать видимость чистоты и отсутствие насекомых.

Одним словом, это совершенно не то место, где я могла бы вылечить свой голос или избавиться от отравления!

Но другого выхода не было. У меня оставалось крайне мало времени до испытания.

И вот, когда я уже добежала до конца, казалось бы, бесконечного темного коридора, откуда-то слева раздался такой знакомый и почти родной мрачный голос:

– Сюда, недоведьма.

Какая-то подозрительная, сперва незаметная дверь в стенной нише открылась, и внутри маняще блеснул зеленовато-желтый свет.

Я буквально провалилась туда, плотно закрывая за собой проход, а затем первым делом подбегая к круглому настенному зеркалу и что-то отчаянно хрипя.

Голос не возвращался!

Я оказалась внутри скромной комнатухи, чем-то напоминающей мою собственную. А на небольшом столике под зеркалом сидел мой фамилляр.

Вот только он был не вороном. Он был человеком.

– Мне конец, – выдохнула я голосом вышибалы какого-нибудь низкосортного трактира. – Мне кажется, я умру. Как пить дать – умру!

Дрейгон мгновенно прыгнул со столика и подошел ко мне. Каким-то властным, собственническим движением схватил за горло и заставил запрокинуть голову назад.

Я вздрогнула и подчинилась.

Не знаю, что он делал. Не знаю, что двигало мной, заставляя отдаваться его воле так, будто он не может причинить мне вред, а я в этом абсолютно уверена.

Я не уверена.

Но, чувствуя, как его длинные аристократические пальцы касаются моей шеи, будто что-то прощупывая, как напряженный взгляд скользит по лицу, я испытывала странное спокойствие.

Мне становилось легче.

А еще я невольно любовалась тем, как длинные черные волосы падают на его лицо, как сверкают зеленые глаза из-под густых бровей и как сжимается в линию красивый алый рот.

– Ты что-то пила, да? – спросил он быстро, неожиданно склонившись к моим губам так, словно собирался поцеловать.

Я вздрогнула и зажмурилась, старательно игнорируя мурашки, заскользившие по коже.

Но колдун втянул воздух и тут же отстранился.

– Да, вино, – пробасила я в ответ. – Но его пили и принц, и Иветта. Я была уверена, что все в порядке, ведь бокалы стояли на одном подносе. И что теперь, Дрейгон, я умру, да?

– Успокойся, недоведьма, ты выпила лишь порошок сакрары. Это растение, которое лишает голоса, – ответил колдун, тут же отпустив меня и отойдя обратно к столику с зеркалом. Совершенно неожиданно он оперся на столешницу кулаками и опустил голову, будто устал.

Черные волосы упали на лицо и скрыли его выражение. А мне стало холодно.

Захотелось дотронуться до его широкой спины, коснуться лопаток, чуть торчащих вверх и натянувших черную шелковую рубашку.

– Хорошо хоть, не смертельно, – констатировала я, пытаюсь мыслить позитивно. – А долго действует эта отравка?

– Сутки, – послышался мрачный ответ. – Ведьмы не стали бы травить тебя прямо во дворце на глазах принца, а вот испортить жизнь могли легко.

Дрейгон не поворачивался ко мне. А я вдруг поняла, что, похоже, он был очень расстроен.

– Значит, я провалила испытание и должна буду вылететь с Отбора, – задумчиво проговорила, осознавая масштаб проблемы. – Но не переживай, я найду способ получить Искру Солнца как-нибудь иначе. В конце концов, Ведьмономикон придумает мне какое-нибудь свое испытание. Ничего страшного!

Вместо ответа колдун вдруг резко повернулся ко мне и замер. Его темно-изумрудные глаза пылали так ярко, что казалось, можно обжечься.

А еще казалось, что он в бешенстве...

Но почему?

– Искра Солнца не менее сложна в получении, чем Искра Огня, – проговорил он медленно. – И другие способы, кроме поцелуя, тебе могут не понравиться.

– Что же это за способы? – выдавила я басом, прикусив губу.

Мне очень хотелось говорить тише, нежнее, более женственно. И, признаться, я почему-то ужасно стеснялась, что Дрейгон слышит мой голос таким. Мужским, грубым, некрасивым. Казалось, со стороны я должна выглядеть просто ужасно.

Однако его слова заставили меня немного отвлечься от впечатления, которое я произвожу, разговаривая, как сапожник-пропойца.

– Например – убийство короля, – ответил он, внимательно глядя мне в глаза.

– Но... – ахнула я.

Звук был такой, словно медведь икнул.

Мысленно я приняла решение говорить как можно меньше.

– Как же... другие колдуны? Не всем же целоваться и убивать королей? – коротко уточнила я.

Дрейгон передернул плечами.

– Можно совершить паломничество в храм бога Солнца.

– Ну вот же! – воскликнула я и тут же зажала себе рот рукой.

– Успокойся, – скривился Дрейгон, убирая у меня ладонь ото рта. – Оттого, что будешь говорить, хуже не станет.

– Не хочу мучить твой слух этим! – проговорила я, махая руками, но почему-то вышло так, словно старый забулдыга признается кому-то в нежных чувствах.

Дрейгон приподнял бровь, словно был крайне удивлен моим ответом. И несколько мгновений молчал, не сводя с меня глаз.

Я же, чтобы еще сильнее не смущаться, добавила:

– А храм бога Солнца меня вполне устраивает. Вот где он находится?

– На другом континенте, – ответил Дрейгон негромко, все еще глядя мне в глаза. – Полгода пути на корабле.

– Ох, – крикнул старик внутри меня. – А как насчет других членов королевской семьи? – ухватила я за последнюю надежду, как за соломинку утопленница.

В глазах колдуна снова мелькнуло что-то неуловимое.

– Не все члены королевской семьи способны передать Искру, – ответил он неторопливо. – Не все захотят это сделать. Ну и... не все могут в силу определенных обстоятельств... – как-то туманно проговорил он. – И не забывай, что Искра передается вкупе со страстью, Искра Солнца – это внутренний огонь. Королевский Отбор – это был твой шанс получить Искру незаметно и совершенно официально. Без Отбора же придется искать иной способ привлечь внимание герцогов и принцев крови. Полагаю, что в твоем случае это трудный и маловероятный путь.

Приходилось признать, что Дрейгон прав. Благодаря Отбору мне не нужно было бегать за Альфианом. В некотором роде он сам бежал за мной. А стоит мне вылететь, как даже просто проникнуть во дворец будет почти нереально.

Несколько мгновений утекли в полной тишине, а затем будто со стороны я услышала грубый голос, доносящийся из моего горла:

– Наверняка предыдущая претендентка уже заканчивает петь. Или закончила. Надо идти домой, если я не собираюсь участвовать...

Сразу накатила какая-то апатия.

– Еще сестры эти... хорошо бы улизнуть, не встретив их на пути.

Дрейгон оборвал мой на ходу придуманный план буквально на корню. Он вдруг неторопливо подошел ко мне и, остановившись так близко, что у меня разом закончились все слова, негромко произнес:

– Все еще боишься меня, неведьма?

Я чувствовала жар его тела, и на этот раз все происходило вовсе не во сне. Мне нечем было успокоить себя, не получалось обмануть разум тем фактом, что все вокруг – лишь сон.

Это уже не было сном, а мое сердце билось так же чудовищно быстро, как и тогда. В те ночи, о которых я старательно пыталась не думать и о которых все равно думала постоянно.

Я попыталась хмыкнуть в ответ на его вопрос, но получилось довольно жалко, потому что щеки мгновенно запылали, а во рту пересохло.

От Дрейгона пахло пряной горечью горячего шоколада, а сам воздух вокруг него был жгучим и сладким одновременно.

Он пах дымом и магией.

И казалось, что от этого запаха я безнадежно пьянею.

– Боишься, – почти по-кошачьи промурлыкал колдун, подняв руку и проведя костяшками пальцев у меня по щеке.

– Вот еще, – фыркнула я хрипящим шепотом, и, хотя на этот раз голос уже не звучал так уж страшно, мне все равно стало неловко. В шепоте ведь почти нет голоса, но в этот момент я вдруг почувствовала себя еще уязвимей из-за такого

уродливого несовершенства.

Однако, казалось, Дрейгон и правда не обращал внимания на мой мужской тембр. Его губы изогнулись в какой-то темной и задумчивой улыбке, словно он что-то решал.

Или просто играл со мной...

Потому что уже через мгновение его лицо стало опускаться к моему настолько болезненно медленно, будто он пытался дать мне шанс отвернуться.

Колдун продолжал улыбаться, не сводя с меня обжигающего ядовито-зеленого взгляда, а его губы с каждой секундой становились все ближе.

Губы – ближе, а мои нервы – тоньше.

Все внутри напряглось растянутой пружиной, готовой в любой момент лопнуть и разлететься острыми осколками.

Я боялась, что все это шутка. Что проклятый колдун издевается надо мной. Что это лишь очередной его жестокий подкол, а он сам вот-вот остановится и спросит что-то вроде:

«Влюбилась в меня, недоведьма?..»

И я сгорю со стыда на месте.

Что мне мешало прямо сейчас оттолкнуть его и сказать, что я не позволяю всяким там пернатым птичкам нарушать мое личное пространство?

Что мне мешало просто отойти назад?

Может, бешено бьющееся сердце или шаровая молния где-то под желудком. Может – сдавленное спазмом горло и дикое, почти неконтролируемое желание ощутить губы Дрейгона по-настоящему.

Не во сне.

Хотела бы я знать, зачем он делал это со мной.

Но правда была в том, что эта игра мне нравилась. А в присутствии Дрейгона я волей-неволей превращалась в кого-то другого. Неуверенного, краснеющего и наивного цыпленка. В тень самой себя.

И так было с первого дня. С первой ночи, в которой я увидела его длинные черные волосы, очерчивающие безупречный овал лица, его аристократическую фигуру в лунном свете и его пылающие зеленью глаза. С того момента он целиком пустил корни мои мысли, и с каждым новым появлением его в моей жизни корни только крепили.

Как бы я ни старалась игнорировать их, ничего не получалось.

И вот, когда между нашими губами оставалась лишь тончайшая прослойка воздуха, напряжение у меня внутри стало почти нестерпимым.

Я чувствовала его запах. Вдыхала его, ощущая себя так, словно Дрейгон уже внутри меня.

В легких, в мыслях, под кожей...

А потом, когда ждать больше не было сил, чуть качнулась вперед и поцеловала.

И утонула.

Это было похоже на падение или бесконечный полет. В один момент я вдруг ощутила крылья за своей спиной и ветер, путающий волосы и свистящий в ушах.

А еще я почувствовала, как сжимается под сердцем от чего-то глухого и невысказанного, незнакомого и пугающего. От чего-то, что страшно назвать по-настоящему.

В какой-то момент Дрейгон замер, напрягся всем телом, словно... его шутка совершенно неожиданно перестала быть таковой. И он сам был к этому не

слишком готов.

Он поднял руку и коснулся моей щеки таким легким и осторожным движением, что я едва узнавала в нем того черного колдуна, который последние несколько недель нещадно сводил меня с ума.

Он... был другим.

А затем он отстранился, разорвав поцелуй, и мне стало неловко. Зеленые глаза горели пьянюще-жгучим светом, не отрываясь от меня ни на миг, и мне хотелось спрятаться. Сделать все что угодно, лишь бы он на меня так не смотрел.

Ведь что теперь получается? Сперва Дрейгон издевался надо мной в образе ворона, затем – в образе человека. И, надо заметить, последние его шутки были многократно жестче.

А теперь, после всего этого, единственное, что я могу, это подняться на цыпочки и неловко поцеловать его в губы?..

Волшебненько!

Пропадающая ты душа, Мартелла Довилье...

– Не надо было мне пить то вино, – пробубнила я тогда, чтобы хоть как-то сгладить неловкую паузу. – Только святая наивность могла рассчитывать, что Сафира или Иветта не попробуют отравить неудобную для них сестру.

В этот момент я так распереживалась, что даже не заметила: мой голос звучал точно так же, как и прежде. Яд перестал действовать!

Но Дрейгон почему-то не торопился обращать на это мое внимание. Напротив, он медленно убрал рыжую прядь мне за ухо, отчего у меня по спине прокатилась мелкая дрожь, и ответил:

– Не выпить вина тогда, когда рядом с тобой пьет дофин, – это оскорбление. Словно ты подозреваешь наследника престола в попытке тебя отравить.

– Но...

– На это и рассчитывали ведьмы, подсыпая сакрару в твой бокал, – продолжал как-то глухо колдун. И на какой-то миг его взгляд стал жестче. – Они, конечно, не знали, что ты не в курсе дворцового этикета, но, как видишь, их фокус сработал в любом случае. Так что тебе не стоит переживать. Выбора не было.

– Ясно, – задумчиво кивнула я и вдруг удивленно замерла, повторив: – Ясно... Ясно? Дрейгон, я нормально разговариваю!

Голос и впрямь полностью вернулся, а я наконец это осознала.

Мужчина кивнул и натянуто улыбнулся в ответ.

– Поторопись, – говорил он все тише и тише. – И пой как птица, чтобы мои усилия не пропали даром.

– Твои усилия?.. Ну конечно, твои, – кивнула, отвечая на собственный вопрос.

Кто же еще мог мне помочь?

Впрочем, при мысли о том, что Дрейгон целовал меня не потому, что хотел, а потому, что таким образом снималось заклятье, мне стало еще более неловко и как-то даже грустно. Но я улыбнулась через силу, сделала шаг навстречу колдуну и чмокнула его в щеку.

Дрейгон широко распахнул глаза, но не сказал ни слова.

– Спасибо, – бросила весело. – Буду петь как ворона, честное слово!

– Поторопись, – вместо ответа бросил он, а потом еле слышно добавил: – И лучше уж как соловей...

Я помахала ему рукой и ураганом вылетела из комнатки. Уже стуча каблуками по коридору, я услышала, как захлопывается за спиной дверь и сквозь тонкую деревянную перегородку будто бы доносится хриплый стон.

Но, решив, что мне показалось, я побежала быстрее.

У меня не было права проваливать этот этап Отбора.

Глава 5

8 число месяца Костлявых ручьев.

Хозяйственная каморка на третьем этаже Лебединого дворца.

Дрейгон держался за угол стола, едва стоя на ногах. И как только рыжая неведьма скрылась с глаз, а перестук ее каблучков затих в коридоре, как силы окончательно стали покидать черного колдуна. Он наконец-то смог позволить себе слабость. Сейчас, когда никто не видел его, когда никто не мог понять, что он уязвим.

Дрейгон хрипло закашлялся, с уголка губ потекла багряная кровь.

Ему не нужно было смотреть в зеркало, чтобы знать, насколько бледным стало лицо. Чтобы заметить черные круги под глазами и посиневшие губы. Он все это ощущал на своей шкуре.

– Ну что, колдун, сам себя лишивший имени, стоила ли этой боли твоя жертва? – внезапно раздался над ухом мужчины тихий рокошущий голос.

Дрейгон едва заметно повернул голову, ровно настолько, чтобы боковым зрением заметить, как от стены рядом с крохотным балкончиком отсоединилась черная каменная фигура. На глазах она приобретала форму и объем, становилась заметна рельефная фактура гладкой кожи. И в самом конце этой метаморфозы поднялись ее веки и сверкнули в полумраке желтые, как огонь, глаза.

– Катись к демонам, Хьельгвирана, – прохрипел Дрейгон, сделав еще несколько шагов к балкону.

Но ему самому, как и горгулье, казалось, что он вот-вот упадет.

Руки дрожали.

– Очень благородно, – глазом не моргнув, ответило существо. – Ты же черный колдун, не забыл, что такие, как ты, не жертвуют собой ради других?

– А я и не жертвовал собой, отстань, без тебя тошно, – проговорил он и снова закашлялся, потому что от пары слов глотку едва не разорвало.

Он пытался прикрыть рот рукой, и теперь вся тыльная сторона ладони оказалась в крови.

– Проклятье... – выдавил он еле слышно, одним дыханием.

С горем пополам он добрался до балконной двери и распахнул ее настежь.

Ему нужен был воздух. Много воздуха.

Дрейгону казалось, что он задыхается. Легкие резало, создавалось впечатление, что кто-то насыпал битого стекла ему под ребра, и теперь каждый вздох сопровождался чудовищной болью.

Впрочем, он знал, на что идет, когда забирал на себя чужое отравление. Если яд, попавший в тело, не лечить и не пытаться вывести, а просто магией переносить его действие на другого человека, то сила отравления увеличивается в несколько десятков раз. Фактически сакрара осталась в теле Мартеллы, но она более не могла причинить вреда, потому что весь вред на себя забрал Дрейгон.

И если из-за ядовитого порошка Мартелла просто едва не потеряла голос, то горло Дрейгона буквально разрывало на части. Его голосовые связки кровоточили, готовые в любой момент окончательно прийти в негодность. С легкими тоже что-то произошло, но колдун не знал, что именно.

– Может, стоило просто убить ведьму? – спросила тем временем горгулья своим глухим, низким голосом, в котором слышался скрежет камня.

Дрейгон, нахмурившись, взглянул на нее, но ничего не ответил.

Глаза горгульи горели все тем же спокойным желтым светом, и никто бы не заподозрил прислужницу дракона Рока в обмане.

Дрейгон тоже не заподозрил. И Хельвиграна невозмутимо вела свою игру дальше.

– Ты бы освободился, ведь мощь вашего договора уже не так сильна, как в самом начале. Договор не убьет тебя, ты и сам это знаешь. Уничтожь ведьму – и всего делов. Рыжее недоразумение наконец-то оставит тебя в покое. Снова будешь один, как всегда и мечтал. И ничей звонкий смех уже не нарушит бесконечность твоей тишины, Антрацитовый принц.

Дрейгон вздрогнул.

Через силу он толкнул балконную дверь и шагнул в узкое пространство, окруженное высокими перилами.

Прохладный ночной воздух ударил в легкие, но это принесло слабое облегчение. Грудная клетка все равно горела в агонии.

Дрейгон сжал зубы и молчал, глядя вдаль.

Когда-то в этом замке его собственные покои выходили как раз на эту сторону дворцового сада. Он любил ночами смотреть, как белая луна восходит над пушистыми кронами аметистовых яблонь и серебрит васильково-синее небо. Любил наблюдать, как гуляют внизу редкие влюбленные парочки, и представлять, что он умеет летать и может расправить крылья, под которыми будет свистеть ветер.

Тогда это была лишь мечта. Теперь он вновь смотрел на знакомый пейзаж, его мечта стала реальностью. Вот только окружающие красоты больше не вдохновляли, а сбывшиеся фантазии казались насмешкой судьбы.

И только Мартелла Довилье, неожиданно появившаяся в его бесцельном существовании, полном яда и накопившегося раздражения, дарила странную освежающую волну смысла.

Опустив руки на гладкие каменные перила, колдун зажмурился. В черноте опущенных век мелькнуло светлое лицо его неведьмы.

Ее большие грустные глаза – зеленые, с желтой сердцевинкой...

Мартелла была зеленоглазой, как и он. Однако только дурак мог сказать, что они похожи. Радужки девушки напоминали зеленую лужайку в яркий день. Внутри них, прямо вокруг зрачка, словно горело солнце цвета золотого авантюрина.

Глаза же самого Дрегона напоминали темные колдовские изумруды, с помощью которых проводили свои ритуалы самые черные волшебники всех королевств.

Они с Мартеллой были очень разными, и все же что-то влекло Дрейгона к этой ведьме. Он и сам до сих пор не знал, почему помог ей сегодня. В конце концов, они и впрямь могли подождать пару месяцев, может даже пару лет, до того момента, как появился бы наиболее удачный способ получения Искры Солнца. Мартелле действительно незачем было так торопиться. Он сам уже не испытывал настолько сильного раздражения в ее присутствии, чтобы мечтать избавиться от нее поскорее.

В конце концов, Дрейгон собирался сбросить оковы их кровавого договора уже в ближайшие месяцы. Ему ни к чему было помогать неведьме получать инициацию. Как только их связь разорвется, Мартелла окажется предоставлена самой себе.

И все же он продолжал выручать ее и доставать для нее Искры всеми возможными способами. Словно... и впрямь хотел помочь ей до того момента, как повод для этого окончательно испарится.

Ведь едва их договор будет разрушен...

Дрейгон не думал об этом. Просто знал, что он исчезнет из ее жизни так быстро, что она не успеет сказать и слова. Даже если ему самому будет хотеться обратного...

Что бы там ни говорила Хельвиграна, любовь все еще способна его убить. А собственную жизнь Дрейгон Ранвидаль ценил превыше всего. Тем более превыше какой-то глупой влюбленности или интереса.

Колдун моргнул, но улыбающееся лицо Мартеллы, глядящей на него в эту ночь с каким-то наивным, нерациональным доверием, никак не выходило из головы. А ведь он столько раз издевался над ней, пытаясь хоть немного отыграться за печать кровавого договора, что логичнее было бы увидеть в ее глазах хотя бы раздражение.

Но его не было. Несмотря на все, что он говорил и делал, несмотря на сарказм и черные шутки, эта девушка продолжала тянуться к нему, как и прежде. Может быть, даже еще более доверчиво, чем когда-либо.

Понимание этого факта сломало что-то в Дрегойне. И теперь он никак не мог построить это заново. В груди странно тянуло, словно тонкая царапина на коже от листа острой травы. Царапина столь незначительная, что ее и заметить-то сложно. Вот только о ней не забыть, потому что ноет.

– Ты уже принял решение, принц, – проговорила горгулья, о которой Дрейгон уже успел забыть. – Вот только сам еще этого не понял.

Но колдун не обратил внимания. Он снова закрыл глаза, подавив очередной приступ кашля, а в следующий миг его фигура подернулась дымкой тумана и ворохом перьев. Короткая вспышка, и на перилах балкона оказался черный ворон с медными отблесками на крыльях. Он распахнул их и спрыгнул вниз, чувствуя, как ветер подхватывает его и несет вперед.

Дрейгон не смотрел по сторонам. Лишь один раз, пролетая мимо Малахитового зала, он заметил через высокое стрельчатое окно Мартеллу Довилье, сходящую с помоста и принимающую поздравления от принца Альфиана. Дофин целовал ей руку, а девушка улыбалась. Ее щеки были румяными от легкого смущения, а полные красивые губы влажно блестели.

Антрацитовый принц отвернулся, стараясь не обращать внимания на ноющую царяпину где-то под сердцем. И улетел прочь.

С медного клюва тонкой струйкой капала кровь.

Глава 6

Все еще 8 число месяца Костлявых ручьев.

Сад возле Лебединого дворца.

– Вы прекрасно пели, любезная ронна Довилье, – сделал мне комплимент принц, пока мы прогуливались по узким тенистым тропинкам дворцового парка. – Смею заметить, ваш голос покорила меня с первого куплета!

Когда он сказал это уже в третий раз, я даже не покраснела. Хорошо, что на улице уже давно зашло солнце и повсюду разливалась кромешная тьма. Только свет магических фонарей, которые встречались тем реже, чем глубже мы проходили в парк, немного приподнимал тяжелые и непроглядные крылья ночи.

Впрочем, несмотря на то, что слова принца не могли заставить меня засмущаться, я все равно чувствовала себя изрядно неловко. А именно – оттого, что он находился ко мне слишком близко и даже в какой-то момент предложил мне руку для прогулки. И теперь мы шли с ним рядом, как парочка влюбленных.

– Ну что вы, ваше высочество, – проговорила я, держась за локоть дофина и чувствуя, как уверенно распространяется на меня жар от его тела даже через ткань плотного, расшитого золотом камзола.

От этого ощущения где-то под желудком начало нагреваться.

– Вы знаете, вокруг меня так много разных людей – и так мало по-настоящему интересных. Я бесконечно рад, что судьбе было угодно столкнуть нас в том лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/laym_sil-viya/umolyay-ved-ma-chast-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)